

*ГИМНАСТИКА —
УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР
ДВИЖЕНИЙ*

№ 13 июль 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ХVІ СЪЕЗД ВЛКСМ:

для комсомола нет
более высокого призвания,
чем быть надежным
помощником и резервом
Коммунистической партии

XVI СЪЕЗДУ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза привет горный приезд делегата XVI съезда Всесоюзного ленинского Коммунистического Союза Молодежи, комсомольцам и комсомолкам, всем молодым строителям коммунизма.

XVI съезд ВЛКСМ проходит в знаменитое время, ознаменное 100-летием со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Празднование ленинского юбилея вылилось в мощную демонстрацию торжества идей марксизма-ленинизма — всеобъемлющего учения рабочего класса, всех трудящихся. Бессмертная воля Ленина, великий подвиг его жизни, светлый ленинский гениальный слуга для советской молодежи неисчерпаемым источником вдохновения.

Созданный на основе ленинских идейных и организационных принципов, ВЛКСМ является боевым авангардом советской молодежи, сплавленной широким массовым и девушкам конурт Коммунистической партии, призывает их воспитывать стойкий, героический, активный борцов за дело рабочего класса, за счастье трудового народа. Коммунистическая партия гордится молодым поколением и с полным правом считает Ленинский Коммунистический Союз Молодежи своим надежным резервом и боевым пополнением.

Комсомольцы и молодежь, как и весь советский народ, отмечают юбилейный год высоким трудовым успехами. На заводах и фабриках, на шахтах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных лабораториях и учебных заведениях молодежь практическими делами еще и еще раз демон-

страт, чтобы и ваш съезд прошел в духе высокой требовательности и ответственности при обсуждении волнующих молодежь вопросов, чтобы они по-ленински, деловито наметили планы работы комсомола на ближайшие годы.

Здесь собрались представители славной многонациональной армии молодых борцов за коммунизм. В рядах Ленинского комсомола сегодня — двадцать семь миллионов человек. Двадцать семь миллионов, а не несколько сотен тысяч, как было полвека назад, когда Владимир Ильич провозгласил Третий съезд комсомола среди трудящихся.

Глядя в этот зал, который светится молодыми лицами, невольно задумываешься о том, что роднит вас с теми парнями и девочками, которые слушали Ленина и которые внесли великий вклад в победу социализма и защиту его завоеваний. У вас та же истинная преданность делу коммунизма, готовность и самоотверженность ради бытия нашей Родины, непримиримость и милитаризма, то же чувство классовой пролетарской солидарности с миллионами тружеников на всем земном шаре. [Аплодисменты.]

Да, в главном, в том, что составляет суть советского характера, вы такие же, как и они. Ну а там, что вас отличает — образованность, культурность — вы обязаны своим отцам и дедам, продолжившим ваш путь в будущее. [Продолжительные аплодисменты.]

Молодежь ценит подвиг своих отцов. Но и сейчас не меньше, чем прежде, нужны и самоотверженность, и интуиция, и преданность идеалам, и готовность и подвигу. Вам — защищать завоеванные вашими отцами, вам — воплощать в жизнь грандиозные планы коммунистического строительства. Это почетная, ответственная и вдохновляющая задача. И поверьте — придет время и вам, молодежи 70-х годов, вашим делам и свершениям будут завидовать ваши дети и внуки. [Аплодисменты.]

Время диктует людям свои законы. Младшие наследуют старшим. Так бывает в семье. Так происходит и в обществе. Смена поколений включает в себя совместную работу людей разного возраста, работу рука об руку, плечом к плечу. Для каждого поколения приходит свое время, когда оно выдвигается на ключевые позиции в жизни общества. Наступает такая пора и для вас. Старшие товарищи верят в вас, они ждут от вас новых героических дел, новых трудовых побед. [Аплодисменты.]

Без участия молодежи в общественно-политической жизни страны мы не смогли успешно продвинуться вперед. Советская комсомолка — огромная сила. В ее рядах сегодня рабочие и студенты, колхозники и ученые, комсомольцы и учителя.

Как подчеркивается в опубликованном сегодня Приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза вашему съезду, партия высоко ценит замечательные дела комсомольцев советской молодежи, их самоотверженный труд на благо нашей великой Родины. [Аплодисменты.] Партия кроено заинтересована во всемерном развитии социальной и политической активности молодежи, она поручала и поручает комсомолу выполнение задач общесоюзного масштаба. Сегодняшнему комсомолу по плечу самые сложные, самые ответственные задания!

Товарищи! Вы, конечно, будете обсуждать, на каких участках коммунистического строительства целесообразнее сейчас сосредоточить усилия комсомола. Хочется высказать некоторые соображения на этот счет. Как вы знаете, советская экономика вступает в новый важный этап. Коренным образом изменяется техническая база производственного и сельского хозяйства. Все это требует многого нового в наш подход к решению народнохозяйственных задач, к выработке и осуществлению экономической и технической политики. Практически все сколько-нибудь крупные проблемы нашего общественного развития связаны ныне с научно-техническим прогрессом.

Можно сказать, что в годы пятилетки мы проходим начальную школу социалистического хозяйства. Сейчас перед нами — задачи высшей школы экономики социализма. Это самые сложные и самые творческие задания на пути к коммунизму. Решать их под руководством партии budete и вы, комсомольцы. Но чтобы успешно это делать, чтобы не отстать от века, не отстать от темпов научно-технического прогресса, главное — овладевать знаниями. Ленинское требование «...во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться...» по-прежнему остается непрелымным правилом жизни. [Аплодисменты.]

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КССС ТОВАРИЩА Д.И. БРЕЖНЕВА

Дорогие товарищи делегаты!
Комсомольцы и комсомолки!

Съезд Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — большое событие в жизни советской молодежи, во всей общественно-политической жизни страны.

Центральный Комитет нашей партии поручил мне передать делегатам и гостям XVI съезда ВЛКСМ, всем молодым ленинцам страны сердечный привет от коммунистов Советского Союза и пожелать вам успехов в работе. [Продолжительные аплодисменты.]
Всего лишь месяц назад мы торжественно отметили 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Для советских юношей и девушек, для прогрессивной молодежи мира Ленин — немеркнущий идеал человека, борца, политического деятеля.

«История призывает тех людей величия», — писал Маркс — «которые, трудясь для общей цели, сами становятся благороднее; оним нравственностью, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей». Этот идеал избрал для себя молодой Владимир Ульянов. Громадным и неизмеримо великим Ленину на судбы человечества. Гройдяна и неизмерима революционная перестройка мира, которой покосили он самою жизнью. Великого Октября история по праву называет ленинским воком!

Под знаменем Ленина наш народ одержал полноту грандиозные победы. Но Ленин учил не обольщаться успехами, трезво оценивать достигнутое, главное внимание обращать на нерешенные вопросы. Позвольте пове-

Партия постоянно работает по широкому вовлечению молодежи в управление делами общества и государства. Сейчас, когда советский народ готовится к выборам в Верховный Совет СССР, в числе кандидатов в депутаты названы имена многих комсомольцев, молодых людей. ЦК КПСС оказывает уверенность, что комсомольцы и молодежь примут активное участие в выборах и отдадут свой голос за иррульный блок коммунистов и беспартийных, за политику Коммунистической партии и Советского правительства, за дальнейший расцвет нашей Родины.

Дорогие товарищи!

На современном этапе коммунистического строительства перед советским народом встанут новые большие и ответственные задачи.

Нет сомнения в том, что советская молодежь и ее передовый отряд — Ленинский комсомол — будет, как и прежде, идти в первых рядах строительства нового общества, прославлять любимую Отчизну замечательными трудовыми свершениями, будут активными помощниками партии в решении исторических задач борьбы за коммунизм, мир и социальный прогресс.

Да здравствует славный Ленинский комсомол!

Да здравствует советская молодежь!

Да здравствует и процветает наша великая многонациональная Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

Под руководством Коммунистической партии — вперед, к победе коммунизма!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

привлечая марксистско-ленинских партий, возмун на себя благородную миссию сплочения мировой социалистической системы, дальнейшего повышения ее роли во всем мировом развитии. И нет сомнения в том, что будущее мирового социализма — в надежных руках. [Аплодисменты].

Мы являемся свидетелями бурного подъема молодежного движения в странах капитализма. Это явный симптом углубления общего кризиса империализма. Молодежь не хочет мириться со строем эксплуатации, с кровавыми авторитаризмом империализма. Мощные выступления молодых рабочих, крестьян, студентов, массовость и наступательный дух их действий стали в последние годы серьезным фактором политической борьбы в капиталистических странах.

Наш комсомол уделяет большое внимание развитию дружеских связей с коммунистическими союзами и другими демократическими организациями молодежи зарубежных стран. Он активно участвует во всех важных начинаниях и делах Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов.

Партия уверена в том, что Ленинский комсомол будет и впредь крепить интернациональное единство всех молодых борцов против империализма, за мир, свободу и социалистическое будущее народов. [Бурные, продолжительные аплодисменты].

Мы живем в век острой борьбы двух социальных систем на мировой арене. Империализм не сложил оружий. Международная обстановка обязывает нас укрепить оборонную мощь и боевую готовность Советских Вооруженных Сил. Это наш священный долг.

Современной армии, флоту, авиации нужны сейчас люди образованные, идейно стойкие, физически закаленные, способные соединить традиции беззаветного мужества отцов с совершенным знанием новейшей военной техники. В воспитании такого поколения для Советских Вооруженных Сил огромная роль принадлежит комсомолу, его славному идейному отряду. [Аплодисменты]. Здесь — одно из главных поприщ патриотической деятельности нашего комсомола.

Товарищи! Все великие трудовые и ратные дела нашей молодежи совершены под руководством партии, которая располагает проверенными жизнью ленинскими арсеналом форм и методов партийного искусства. Великий Ленин учил коммунистов уметь руководить «силой авторитета, силой энергии, большой оптимистической, большей разносторонности, большой талантливости.

Деловитость, конструктивная критика, принципиальность, сочетаемые с сознательной и погону твердой дисциплиной, — именно такие черты ленинского стиля характерны для жизни и деятельности нашей партии. Этому учился у партии и наш комсомол. [Аплодисменты]. Сила советской молодежи — в ее неразрывной связи с делом партии. [Продолжительные аплодисменты].

Центральный Комитет партии уверен, что ваш съезд вызовет дальнейшее повышение инициативы комсомольских организаций, мобилизует молодежь страны на новые славные дела. Нет сомнения, что Ленинский комсомол еще теснее сплотиет свои ряды вокруг партии, будет еще настойчивее содействовать воспитанию молодого поколения в духе беспартийной преданности народу, идеалам коммунизма. [Продолжительные аплодисменты].

Мы убеждены в том, что комсомольцы всегда и во всем будут на высоте своих, поставленных партией, будут и впредь ее верной опорой в борьбе за коммунизм. [Бурные аплодисменты].

Да здравствует славный Ленинский комсомол! [Бурные аплодисменты].

Да здравствует советская молодежь! [Бурные, продолжительные аплодисменты].

Да здравствует и процветает наша великая многонациональная Родина — Союз Советских Социалистических Республик! [Бурные, продолжительные аплодисменты].

Под руководством Коммунистической партии — вперед, к победе коммунизма! [Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают].

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 13 (1035)

**1970
ИЮЛЬ**

Наша обложка: 16-летняя омская школьница Галина Шурова, чемпионка СССР и мира по художественной гимнастике.

Фото Владимира САФРОВОА

Репортаж «Девочка с характером» читайте на странице 24.

6

СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ТАТАРИИ.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. РОДНИКИ. Фото-очерк.

20

СОЛЯНОЙ ПЛАСТ. Репортаж из Артемовска.

27

ДЖИНН ИЗ ЛАЗУРИ. Новый фантастический роман А. С. Брамовых.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КОМСОРГ. РЕПОРТАЖ
С НОВОВОРОНЕЖСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ
РАССКАЗ О ТИХООКЕАНСКОМ
ПРОМЫСЛЕ КАЛЬМАРОВ**

**МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ БЕЛОРУССИИ:
НАРОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

ПАРТЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ПО ГВИНЕЕ (БИСАУ)

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долгатовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Назьмова, А. П. Кулешов, А. С. Павлов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Е. И. Ребичкин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стунов (главный художник)

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

XI съезд ВЛКСМ начал работу. В президиуме съезда — Генеральный секретарь ЦК КПС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА В ЖИЗНЬ!

Заключился XVI съезд ВЛКСМ. Делегаты разъехались во все концы страны, вернулись в свои организации.

Перед тем, как отправиться домой, несколько комсомольских работников, людей, от которых будет во многом зависеть, как идеи съезда, программа, выработанная им, станут достоянием широких масс комсомольцев, рассказали о своих ближайших планах.

Юрий АНОХИН, секретарь Мирнинского горкома ВЛКСМ Якутской АССР.

— Наши ближайшие перспективы определены спецификой района. Мне кажется, что задача как раз и состоит в том, чтобы багаж, которым нас снабдил съезд ВЛКСМ, использовать с учетом конкретных условий каждой комсомольской организации.

Что такое Мирный, каждый, конечно, знает. Это наши алмазы. И если учесть, что перед районом стоят большие производственные задачи, растет и развивается город, если учесть, что стретели приступили к сооружению второй очереди Вильейской ГЭС, станет ясно, как дорога нам сейчас каждая пара рабочих рук.

Мы не можем позволить себе, чтобы кто-то ушел от нас из-за плохой организации труда или нашей неспособности организовать профессиональную учебу, наладить быт. Поэтому лично я именно так и определяю наше главное направление. Мы продолжим конкурс молодых рабочих. Ничто так не привлекает внимание и профессиональной подготовке, как эти конкурсы-смотр. И те полезные рекомендации, которые дала секция, мы реализуем у себя на месте.

Нам предстоит усилить работу представительной комиссии в профсоюзных организациях, в различных административных звеньях управления хозяйством. Контроль со стороны комсомольских комитетов за выполнением коллективных

договоров — вот средство, с помощью которого мы сможем воздействовать на администрацию и требовать выполнения условий, от которых прямо зависит положение молодежи на Севере. Улучшение бытовых условий, помощь рабочим-подросткам, сооружение спортивных комплексов, мест отдыха, курсовых учебных комбинатов — все это в свое время было заложено в планы каждого предприятия. Мы приложили немало сил, чтобы эти планы появились, теперь задача их реализовать. Поэтому я думаю, что участники съезда, возвратившись домой, будут не только передавать настроение, которое царит в Кремлевском дворце, доносить до молодежи конструктивные идеи, которыми снабдил нас весь съезд, но и стремиться воплотить их в жизнь каждого предприятия.

Аветик АВДАЛЯН, секретарь комитета комсомола Арзникетрострозда имени В. И. Ленина.

— Все задачи, которые поставлены съездом перед комсомольцами-работниками, стоят, конечно, и перед нами. Съезд прямо указал: в центре внимания комсомольских организаций должна быть индивидуальная работа с каждым молодым человеком. Ленинский зачет, на мой взгляд, является ключом к решению этой важной проблемы. Рекомендация съезда: проведение периодических отчетов членов ВЛКСМ в

«Партии слава!», «Ленин с нами!» — звучит вой сводами Кремлевского дворца

своих комсомольских организациях, их доклад перед лицом своих товарищей о том, как они повышали свой политический и общеобразовательный уровень, участвовали в техническом прогрессе и общественной жизни.

В этой связи перед нашим комитетом стоит вполне ясная ближайшая задача: поддерживать дух высокой ответственности за лично, конкретное поручение. Одно время мы обратили внимание, что комсомольцы технических отделов и служб, где в основном инженерно-технический персонал и служащие, как бы менее активны, чем цеховые коллективы. Мы создали «совет молодых специалистов». Десять его секторов начали работу, но поистине изменило обстановку движение, которое родилось у нас на заводе: «Каждому рабочему — инженерные знания!» Вот где открылись горизонты перед инженерами. Молодой специалист становился куратором, старшим товарищем как минимум двух рабочих. Он, как говорится, головой отвечал за их учебу, работу. Он был их помощником и наставником. Советчиком грамотным, заинтересованным. И сам он в процессе шефства незаметно менялся. В нем рождалось чувство высокой ответственности за своих товарищей.

Но то, о чем я рассказывал, лишь началось перед съездом. Комитету комсомола предстоит большая и серьезная работа организатора индивидуального шефства.

Виктор РОМАННИКОВ, заведующий отделом комсомольских организаций Московского обкома ВЛКСМ.

— В Приветствии ЦК КПСС XVI съезду ВЛКСМ и в выступлении на съезде Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнев на первом широкая программа деятельности комсомола на ближайшие годы. Съезд помог нам увидеть и то главное звено, от которого будет зависеть реализация планов.

Успех дела — в повышении боеспособности и сплоченности первичных комсомольских организаций.

Поэтому именно к ним прежде всего приковано наше внимание. Мы продолжаем совершенствовать структуру форм и методов работы с молодежью с учетом возрастного образовательного, политического и культурного уровня каждого юноши и девушки. Особое место в этой работе принадлежит комсомольской группе. Это заставляет нас, организаторов, еще раз проанализировать имеющийся у нас арсенал способов и средств индивидуальной работы и применить наиболее эффективные средства.

После съезда мы продолжаем укреплять свои ряды. Растет численность организации. Прежде всего за счет передовой рабочей и сельской молодежи. За последние три месяца тридцать две с половиной тысячи юношей и девушек влились в областную комсомольскую организацию.

По всей области прошли пленумы, активы, собрания. На них выработываются конкретные меры по выполнению задач, поставленных съездом.

Слова рабочей смеет! Съезд приветствуют! Трудовые резервы.

Сколько бы ни прошло лет, но автограф космической «Чайки» по-прежнему будет дорог.

Эту девочку из Солнца зовет Во Тян Лианг. Ей тридцать лет, но глаза ее видели войну и смерть. На съезде она обрела много друзей.

Шапка прославленного маршала с этой минуты станет реликвией комсомола.

"ЯЗЫК НАРОДА МОЕГО.."

Молодая татарская поэзия переживает сейчас период внутреннего роста. Как всякая молодая поэзия, она ищет, дерзает, иногда ошибается, но никогда не стоит на месте. Насебдица Тукая и Джалиля, она продолжает и развивает национальные традиции, но вместе с тем обогащается новыми ритмами и новыми содержаниями. Ее близка русская и общечеловеческая культура. Но стилих молодых татарских поэтов

Равиль ФАЙЗУЛЛИН

* * *

«У дочери седого лесника
венюк из ландышей...»

(Из мильтишеского
древника)

Давно тебя не видел я, давно.
Женуш, наверно, далеко —
за тридцать земель, за дымом
облаков,
за солнечной грядой,
за белою луной...
В моем окне темно.

Лесная девочка, мое лесное эхо,
откинись серебристым слезам.
Давно тебя не слышала я, давно.

А вдруг утку и услышу —
и слово звезд уведу на крышу.
«Но где жет!.. Как сплутюся!»

Надо мне...
Коль это ты, где венюк из
ландышей!

Давно расстались мы, давно.
А времени вернуться не дано.
Дожди упали. Лист встлел.

Принши снега.
А я, как в детстве, все играло
из ладубинок.

Все иду.
Твержу:
«У дочери седого лесника...
У дочери седого лесника
венюк из ландышей...»

Два моста

Чудо — мост железобетонный.
Тонны, тонны по нему —
троллейбусы, судьбы, толчея.
А он, как пушисточек,
держит их на шершавой ладони
одина
могучим напряжением плеча.

А неподалеку
старый-престарый
полукишый мост —
шагнешь,
и хрустнут его суставы,
дряхля,
деревяшки,
прост.

Но вечером по нему
без описки
ступает белая от бед мать.
Смотрит на воду,
где день гасится
и ночь начинает звезды купать.

И думает старая
душу венуючу,
та думала света, чиста:
«Сын ушел на войну
таким же вечером...
Сын вернется с войны
таким же вечером...»

Этим мостом деревянным...
Он не знает другого мостов.

Мечте

Обманула, мечта, обманула...
Было озеро-мирж — окунула.

Помнишь,
что ты мне обещала:
чтоб звезда каждый шаг освещала.
Если б так, ты сама обещала.

Обещала
сшить сорочку
из куса синего неба.
А умила лишь белым снегом.

Стял в парнем,
опять обещала
луной девчухи чистую руку.
Обещала.
И все начиналось сначала,
как дюймовые по кругу.

Стал отцом я.
Ты мне сулила
сабло-молино, как награду,
чтобы знал я любовь и силу,
от лишней ограду.

Обманула, мечта, обманула...
Может, в озеро-жизнь окунула,
точно мать своего младенца
в речку детства.

Обманя меня, обманя,
еще раз в силки замани.

* * *

Вот и выросли мы, мама!

Гуси-лебеди над крышей,
как и раньше, сень копышту,
исчезают в высоту.
То же небо над крышам,
то же небо с облаками,
только лебеди... не те.

Вот и выросли мы, мама!

Сабантуй на том пригорке,
и прежде. Сладкий, горький
запах липы
кружит голову и память.

Вот и выросли мы, мама!

Занюхают слезы в горле.
Самый ветер налетел,
даже птицы приутикли.
Все на том, на том пригорке.
Только девчунки... не те.

Вот и выросли мы, мама!

Ты совсем не изменилась...
не простишься, а присносьешься
за пескам, за долами.
И глаза все те же, те же,
всей свет моей надежды,
только слезы уж... не те.

Вот и выросли мы, мама!

Гуси-лебеди. Приговор.
Тыло девчунки танцуют.
Я оплут уеду скоро,
на разную поделую.
То же все. Одна дорога.
Ты застынешь у порога.
Путь — крутмак по воде.

Вот и выросли мы, мама!
Вот и выросли мы, мама!
И следы уж... не те.

Перевел с татарского
Рустем КУТУЙ

Камиль МУСТАФИН

Баллада о пропавших тетрадах

Как звезд отдаленных сияние,
до нас, до родимой земли
сквозь ауры, огни и страдания
тетради Джалиля дошли.

Их вечность крылами коснулась,
хвалу им воздал человек...
А сколько же не вернулось
в зону превратилась навеки!

Тетради пропавшие, где вы!
В какой захлебнулись кровью!
Кого вы напоилим гласом!
Кого научим, любез!

Наверно, как свет драгоценный,
да в Эссене азали с собой
шахтеры,

полночию смелой
спускась в проклятый забой.

Наверно, на Рейне и Майне,
готовясь ударить в набат,
простые рабочие парни
их, словно листовки, хранят.

Наверное, ночью глубокой
посещую, куда ни ступи,
их в Гамбурге докору докер
спешит передать по цепи.

И с ними, грядущего ради,
стремится на подгн сердца...
Пропавшие эти тетради
пропавше не смогли до конца!

Стреляют по ним из укрятый
глухим ночам опять.
Хотят их сплоти в Моабите,
хотят на кресте их распять.

Но их на земле миллионы,
и строки бессмертных стихов
встают, превращаясь в колонны
готовых к сраженьям бойцов.

* * *

Герои знали многие люди,
делали с ним горе и торжество.
Его не забыли суровые будни,
и праздник помнит его.

Один с ним в школу ходил когда-то,
зубилом рвал в саду.
Другой в снопах его, солдата,
встречал в сорок первом году.

Люди помнят, как он смеялся,
как тосковал порой,
как одолевал, как унывал,
не зная, что он герой.

Был чернотравья и чернотравья,
шутку и смех любил.
А временами был он суровым...
В общем, надежный был.

можно уловить отсвет поэзии Блока, Маяковского, Поля Элюара, Николая Гумилева и Леола Пердиды. В этом отношении очень характерна поэтическая манера Раисы Файзуллина, овладевшей в своей поэтической оболочке кавказскими конструкциями. И вместе с тем — что очень ценно — поэта никогда не забывает о главном: о человеке. В этой легкости убедиться, прочитав хотя бы его превосходное

стихотворение «Два жеста». Камилла Мустафина гласит: балладе и традиционной манере, но это не мешает ему быть глубоко современным. У него есть завидный дар соединять прошлое с настоящим, особенно — с языком. В манерности поэты, тематика по образному, много от нашего бурного и в то же время аналитического века. Прочитайте его «Удечку», и вы поймете, как тематика по образному, много от нашего бурного и в то же время аналитического века. Прочитайте его «Удечку», и вы поймете, как можно в единый поэтический слог

связать такие, казалось бы, далекие повести, как легенда азиатской удечки и «Аккорды Баха». Руслан Кутуб больше известен широко читаемому. И хотя он пишет по-русски, но по своему темпераменту, характеру и образному мышлению он остается своим собой земляк. Даже с Сенатской площадью его даже видят узкий и желтый — «азиатский» жемчуг («Баллада о стригунке»). Стихи его

лучше, порой даже сильнее переносимых, краски и образная, но всегда яркая и талантливая. И назвала имена только трех молодых поэтов Татарии. Я не назвала имена других поэтов, хороших и разных. Но эти три имени могут быть русскому читателю наглядное представление о характере, о тематическом богатстве, высоком профессиональном уровне молодой татарской поэзии. Лев СМИРНОВ

Многие видели, многие знали — но как людям-то повезло! А то, что не знали, — присочиняли... Столько ведь лет прошло!

О нем у матери как-то спросили (было какое-то торжество): — Расскажи, пожалуйста, нам о сыне! — Помню родинку на плече у него...

Удечка

Блеснула удочная речка, зарыла лошадь вдалеке, учалась детство... А удечка осталась у тебя в руке.

Ты жил. Ты знал огни и воды. Но близка медью на ней не стерли промывные годы... Удечка вновь в руке твоей.

Штурвал, винтовка, компас верный, топор, лопата и плетя прощали своза жизнь... Но самой первой удечка все-таки была.

А жемчуг летит быстрее света своза сонным звезд, венков и стрел, и на нем сердце — то древний благовозный орган.

Нас окружает многоголосный мир теорем, расчетов, цифр, но канциды взмат и штрих чертежный — лишь отростками тайный шифр.

И светит солнце всем на благо подоспелому далекому дню, и в закате — своза аккорды Баха — удочен закон и крик коней.

Перевел с татарского Лев СМИРНОВ

Руслан КУТУБ

Баллада о стригунке

По Петрограду ты минувшая, по Петрограду кони булыжником градом буланы проносят снытые рыцаре, проносят бистаме черное. Обреченные. Ни ружья, ни хралета, угрюмые, одетые в камень оград, текут в корабельные трюмы, копытцами сев трад. Нева — как застывшее горло. Чайник крыло. Всплески. Молчит величавый город, и снится ему Достоевский. А кони в бездну лет беге куда-то спешат успеть, на голубые веки ложится зеленая степь. Встретившая морщинам, кинется к мостовой. Гордые кони, гордо не дарит травой. Пыль дамено-далеко за тридевять земель. Погонялка плет огузла, и дремлет в душе его зверь. Дремучий, с тоской боржонкой, он спит, как зюмова, в седле, и коню его посе гложет, змеюе улав к змеле.

На площади на Сенатской воздух твнел. Месяц плывет азиатский, уют и жент. Облако уценельное, вымекло в блесне, точно над спящим миром споманый профиль Пестеля. Адмиралтейский неуголо притягивает небеса, она забыты мглою, вымерли голоса. Только с летящего пирса взрывается гуд...

Вон аргамак забился дрынью, в кони бегу, бегу. Лют горюхот в рондэме. Неба хазера темя. Люди, где вые больше! Люди, вы в бездне сна!

Этот молодойный, рыцарский мчится от табуна, словно хочет поближе взглянуть слугуна. Царь на волне камешной беркутом вознесен, паша на плечах авелам осела, как давний сон. Вдребезги звук расколол, камель наг. Дает рассвет, долот. Комлетом бьет аргамак.

Вот он, застыл в полете, бронзовый царь. Ветер в лицо колотит. И не находит лица.

Рыженимши, ах, ты, бестия, весь из живого огня, в судноном месяце в маню углади коня. Что тебе Петр Великий... Копь-то, ую какой, ловит небесные блины стылой губой.

И вдруг зарнал в небо легонкий стригунок, точно красную хлеба прося у царевых ног.

И затемался, сбился в водворот табун. Выдели только птицы аргамайский бурит. Он ухорин воронкой, палею чернот граю. В Летнем саду вороны подняли черныи крик. Выше взбирался, выше. Кнут зарпукнулся в жуту. Слушались чымеи крыши, как аргамайи ружо. Возле Петра Высокого, возле его стопы Билысь дети Востока на волосе от судобы. А конь простирался над ним, царской кони, нежовой, в сером влохотастом дыме над мостовой. Был он, в узду воздетый, взблженно-серебристый...

Эй, стригунок, где ты, рыженимши денабрист!

Тонкой буртаре в веснушках... Гладит бока плетть. Что же ты, в воду опущенный, в невазе устал терпеть!

Ох, глубокии трюмы! Ходит волна круто! Шин аргамак угрюмо под долиней гитута.

Баллада о богомазе

В Сиванские яблони взмет рот. Ну и август! Сады подолжмились. Горло в кровь — пламенеет, летит.

Дождь грибной летит, бомаз милосте. Опрони, окрони, оирони, окрони, чтобы савеснее вилити черепом. Ведь и дуян замочивают, как грибы, и у сонца стоят, как у гроба.

Упади в глаза, упади, упади, чтобы промолти сыноко. Но сто верет орнет только свет оди и, как Волга, одио дорота.

Край глухих церковей — позабытый край и приют потереваших разум. Может, скоро меня приведут в белый храм

к сумасшедшему богомазу. Он расквемит мне про большую ночь, как выходят из манья лица, как тоскует трава и крашеюй ржанкой притот древо подальнее.

Он струганый тоховою — хлоп да хлоп! Ловит ветер, носась по круту. И, как лавна, горит воссталенный лоб, чутя осень, дожди и поругу. А спринглетль уважит его крыла, затуюжит в рубашу смирную — в ичюи расквемит добыль, скорбно тле, умрет озарене.

И тогда в войду и скажу: «Огонь, ты уж стар, и кавай сплешо. Я с твоей забойной гиряюсь одоги. Ты отхрой мне, чего тебя гложет!»

И услышу я шепот и тайный завет, ту тоску, от которой не спаряться, и учду, вока забойной мерещится свет и шуршат церковные крысы...

Для меня уют острон не зной острот. Большой я и по сердцу я летний. Есть у авского жуль земных натаростф, воздух стрин в глубоких легкиа.

Из других в мест, из другой земли — эхо Булар или эхо Азми. У меня по груди знат разлит, чтобы черн терду не спазмили.

Мне бы Волгу принять навсегда в глаза, оканяться в сневинна. Вот течет она, голубя слеза, на плотах воеет росквеман.

ИЗ ПЕЧАТЫ

ИРОНИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Пятка из Ленинграда, гостившая у нас неделю, подарила мне три рубля. Это была необыкновенно интеллигентная тетка: в жизни я не видел таких интеллигентных людей. Она ужасно боялась нас стеснить, вставала в шесть часов утра, тихонько идеала из спальни из квартиры и исчезала часами до одиннадцати вечера. Не завтракала, не обедала, не ужинала за нашим столом и вообще старалась как можно меньше попадаться нам на глаза. Мама обижалась, ей казалось, что тетя нами брезгует, а отец был спокоен. «У них в Ленинграде все так же», — повторил он. Я в жизни не был в Ленинграде и с трудом представлял себе город, где люди не толмачат, не гуляют по улицам вразвалочку, оглядывая прохожих, а прохаживаются и пропадают. Тетка оправдывалась, что у нее в Москве куча знакомых и все им надо нанести визит, а сама целыми днями прохаживала в скверике у почты с книжечкой в руках, отлучаясь только затем, чтобы занести очередь в кафе-молочную. Благо погода стояла хорошая — конец сентября. Я сам наблюдал за ней, но она делала вид, что меня не замечает, — из деликатности, конечно. Я никому не стал рассказывать об этом: у каждого свои странности — и, должно быть, правильно оценить мое молчание, она и подарила мне три рубля. Сделала она это тоже очень деликатно и незаметно: сунула на ходу бумажку в карман моего брюка, и хитрая, исчезла, как будто взятку дала. Я поразмыслил немного, имею ли я право на эти деньги, и решил, что именно: возвращать их было глупо, а отдать родителям — они бы пришли в негодование. Поэтому в один прекрасный вечер, справившись с мыльцем тарелок, я вышел на улицу и пошел вдоль транзитной линии, размышляя, что бы такое купить.

Улицу у нас глухую: ни магазинов, ни кино, — и поэтому я очень обрадовался, когда увидел на углу новый киоск. Новый в том смысле, что его на этом месте было по крайней мере от двух до трех месяцев. И стоял он на самом краю тротуара, даже чуть-чуть похосившись, как будто бы его только грузили. Киоск был расписан, как расписывают деревянные лодки, и на его фасаде над окошком висела табличка «Предметы». Я понял так, что предметы — чего-нибудь, например, домашнего обихода, обошел киоск кругом, чтобы дойти до конца. Но на окошке из восьми стекловисела одна и та же табличка «Предметы». Это меня удивило, удивило и то, что место для киоска было выбрано неудачно: тротуар на углу был слишком узок, и чтобы пройти мимо киоска, надо было противиться между ним и стеной. Я обошел еще раз, при этом я чувствовал, что из окошечка зорко на меня смотрят, потом подошел и сказал вонутря:

— Простите, а чем вы торгуете?

Внутри что-то зашевелилось в темноте, из окошечка высунулась узкая бледно-розовая рука и положила на крохотный поточек связку противоскользящих очков. Очки были изумительно свежими из того же мерзкого пластика, а дужки обмотаны тонкой красной проволокой, — выглядели они совсем непохоже и даже оригинально.

«Артель kanske-нибудь трудится», — подумал я и стал вертеть в руках один очок за другим. Работа была грубоватая, стекла болтались, и витки проволоки местами были положены неровно.

— А другого у вас ничего нет? — спросил я вежливо.

Внутри киоска то ли хмыкнули, то ли фыркнули, и рука убрала очок. — Покажите мне, какие у вас есть зажигалки, — сказал я без особой уверенности, потому что все стенки киоска были глухие, деревянные, без стекол, и я не знал, продается здесь зажигалки или нет.

Внутри киоска — ни звука.

Это мне показалось странно, и я огляделся. Мимо шли редкие, как обычно на нашей улице, прохожие. Они противились мимо киоска, не выражая никакого неодобрения. Женщина с колеской расклевывала вазушку на киоск, на меня и, развернув колеску, обыхалась нас по мостовой, как обыхают больше, но неинтересное препятствие.

Во мне заговорило упрямство. «Что же это такое», — подумал я, — как-то кустери — и ответить не могут по-человечески! Поставил киоск на самом ходу, разбойники!»

Я нагнулся, заглянул в окошечко — и сердце мое екнуло. То есть ничего особенно страшного я не увидел, а если честно — не увидел вовсе ничего: темный контур фигуры с втянутой в плечи головой и взгляд. Мне не хотелось бы, чтоб на меня еще раз так посмотрели. Сожалел, что деньги пропали так глупо, а обиделся, что я — беру очок. Сколько?

Розовая рука положила на поточек один очок и, ловко забрав у меня три рубля, пропала. Я постоял немного, подождав сдачи, потом, переисидев страх, нагнулся, чтобы заглянуть еще раз, но окошечко залопнуло, у меня перед носом, Киоск стоял передо мной глухой, как разрозванный пень.

— Странное, — пробормотал я в растерянности, потом пошел искать очки на ворот рубашки, как это делают пьющие, и пошел к дому, испытывая сожаление и облегчение одновременно. Потому что деньги пропали так глупо, а обиделся, что я — нахожусь от них избавился.

Входя во двор, я нацепил очки на нос (сидели они довольно лихо) и принялся рассматривать окна и небо. Что-то потресивало у меня в ушах, какие-то искры прохаживали по волосам как будто, но скоро я привык и перестал этот треск и искры считать за нечто необыкновенное, и был я их в обычном табачном виде, но, может быть, это мне просто казалось. Купил элэгантизм, тем более что подобных очок я не видел еще ни на ком. Заметно в них виделось мне темно-зеленый, цвета пыльной тополиной листвы, а асфальт был адово-желтого, хинного цвета.

Время было обеденное, во дворе малоллюдно, повзвастать очками было не перед кем, я сел у ворот на деревянную скамеечку и, скрестив руки на груди, напустил на себя непринужденный, высокомерный вид.

Вдруг я услышал чей-то пискливый голосок:

— Ох, дам я ему сейчас, ох, дам!

Я оглянулся так резко, что у меня что-то дернулось в шее. Вблизи от меня никого не было, только на ступеньках подъезда сидел незнакомый мне тихий мальчик и сосредоточенно чертил на асфальте какие-то таблички. Он изредка поглядывал на меня насупясь, но я сидел неподвижно, и он продолжал чертить.

— Сидит тут, рассялся, — застрекотал голосок. Он висел где-то возле моего уха. — Сейчас пододу и дам как следует. Стуку. Один раз стуку, но зато изо всех сил. Чтбэз нам. Ох, заплетет тогда, ох, застонет! Ишь, голосок завертел. Очки надею... воображала.

Все всякого сомнения, слова оттолкнули ко мне. Я встал, пошел по направлению к мальчику, голосок утихнул.

Я снял очок — голос пропал. Пропал и треск и шум, в ушах чисто бел ветер. Дрожащими руками я надел очок — в ушах зашлепало, как в маленьком транзисторе.

— Ну, побойте давай, побойте.

Еще не сообразив как следует, я подошел к тихому мальчику вплотную, встал над ним, сунул руки в карманы. Он поднял круглые глаза свои, посмотрел на меня испуганно. Он был минимум на пять лет младше меня и раза в два легче весом.

— Бей, бей, — чиркнуло над ухом. — Вот позову отца, он из тебя ману-кашу сделает!

— Ты что ж это, — сказал я сурово, — безобразник! Кто разрешил тебе такие слова говорить!

— Я ничего не говорю, — сказал мальчик хриплым голосом и заплакал. — Я ничего не говорю, что я тебе сделаю! Иди отсюда!

Смутившись, я отошел от ступенек и обернулся. Тихий мальчик смотрел мне вслед и молчал. Но в ушах мое стрекотало.

— Большой, а дурак! Большой, а дурак! Что, азя? Спасавшихся бегством!

Мне стало жутковато, и я поспешил домой. Дома не было никого. Я заперся у себя в комнате и начал исследовать очки. В них, по идее, должны быть амниотированные микроприемники. Но ничего, кроме проволоки и пластика, в очках моих не было. Я размотал всю проволоку, поскреб отверткой стекло. Должно быть, все секрет был именно в проволоке: она была вроде как бы антенной, образующей колебательный контур. Но обязательно должен был быть динамик. Сама по себе антенна не могла звучать. Я провозился с очками до маминого прихода, но динамика так и не нашел. Когда ступила входная дверь, я начал наматывать проволоку на дужку. Мне не хотелось пробовать очки на маме, но я боялся, что в них что-нибудь сломалось, и, когда мама тихонько толкнулась в дверь моей комнаты, я быстро посадил очок на нос и открыл ей дверь.

Мама испугалась.

— Господи, что с тобой? Глаза болят? — быстро спросила она. — Господи, что с ним, глаза болят, — маминим голосом прострекотали очки.

— Нет, что ты, — сказал я смущенно. — Так, дурака валяю.

— А, ну вали, вали, — сказала мама.

«Пусть пококетничает, ничего», — чиркнуло очком. — А то еще усы отпусти соберется. Очки можно снять, усами сложивше.

При чем тут усы, мне было непонятно. При всем своем желании я никак не мог их отпустить: из губы моей вылезло всего лишь одиннадцатидлинных и толстых белесых волосков. Я потому знал количество, что аккуратно их подстригал.

Очки мои сползли на кончик носа.

— Сидешный ты какой, — сказала мама.

— Весь в очках — поческины очки.

То, что отец казался мне смешным, было для меня новостью. Но,

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

в общем, Большая раскопаний в маминих словах и мыслях я не обнаружил, это было приятно. Я дал себе твердое слово не надевать очки в семейном кругу и держал его до самого позднего вечера. На ночь мы сгоняли с отцом партию в шахматы. Не удержавшись, я все-таки нацепил очки. Отец взглянул на меня рассеянно.

— С обидой тебе, — и углубился в партию. Очки смиренно зажужжали (отец, как всегда, проигрывал):

«Так, он нас так, а мы его так, Иван Иванович позвонить, ведомости заполнить, мы так ему, а он нам так, и что же мы имеем? Имеем мат в три хода, аз, сына, сына, сидишь в очках и ничего не видишь, а если так, он так, а мы ему так, нет, догадается, и тут мат в три хода, нет, в два, не надо обижать мальчика, пойдем сюда, нет, стоп, уж слишком явно, Иван Иванович позвонить, ведомости заполнить, так что ж нас мучит, что ж нас мучит!»

И он подставил ферзя под стандартную вилку.

Я покраснел.

— Ты что же это, поддаешься, значит? — От обиды у меня из глаз чуть не брызнули слезы.

— Где! Что? — забормотал отец, бросив на меня быстрый взгляд. — Ах, это Фу, черт, ступил!

— Не буду я с тобой играть, — сухо сказал я и снял очки. — Ты что из меня дурачка делешь?

— Ах, дурачка! — рассердился отец. — Ах, дурачка! Ну, погоди, сейчас я из тебя как раз дурачка сделаю. Вот это ты видел! А это видел! А это, это! Ну, что теперь скажешь?

Он разыграл размашистую комбинацию слонами и конем, загнал меня в угол — и попался на давно уже заготовленный мною элементарный линейный мат. Я так и не понял, была эта ошибка случайной или подстроенной, но надевать очки еще раз не осмелился.

— Пап, а что тебя мучит? — спросил я как бы между делом, складывая в коробку шахматы.

— Меня? — переспросил отец, и вдруг глаза его стали мокрыми. — Смотри-ка, глупастый стал, замечашь... А кто думал, что тебе все равно. Спи спокойно, сына, милый, все будет хорошо, ложись.

Он думал, что я понял, почувствовал... А я, как пень с глазами, смотрел и не видел и не понимал ничего...

Спать я укладывался хмурый, от этих чертовых очков трещала голова. И все-таки так пошло устроено человек, что в темноте, лежа в постели, я снова нацепил очки: решил опробовать их на сестренке. Кто думает сестренка, было для меня неинтересно. Что может думать галгачица одиннадцати от роду лет! Но я боялся, что очки размагнитятся за ночь и завтра я в них ничего уже не услышу. Мне позарез нужно было узнать, что думает обо мне Иванова. Узнать и выбросить эти чертвы очки, а еще лучше сломать, растоптать, сжечь, чтобы не мешали жить никому.

Сестренка лежала у противоположной стены, ворочалась в темноте и выдыхала.

«Уму, уму, о господи, уму, — зашептали очки, — противно, стыдно жить, зачем! Никому не нужна, все презирают, хожу, как замарашка, фар-тук саржевый, платье кашемировое, смеются надо мной, все в шерстяных, а у меня кашемировое, лопти зашопаны, все кое-как, зачем жить! Зачем влечь существование в кашемировом платье, смужу у очка, шлопу видно, и пересечь не даю, у Светки шерстяной фартуке, у Томки шерстяной фартуке, у Нинки зоть и старый, а все равно шерстяной, у меня у одной в классе саржа, и слово-то какое противное — «саржа», у тебя из чего фар-тук! Из саржи, сажа, баржа, у меня фартук из баржи, нет, из моржа, ходите сами в моржовом фартуке, а я уму, зачем жить!»

Ну, и так далее, в том же духе. Я лежал и удивлялся: сколько можно думать все об одном! Наконец, не выдержал:

— Да купи тебе шерстяную форму, купи, успокойся, я попрошу.

— Попрошай, как же, — завылакала сестренка, и очки зазвуждали тоже. — Давно бы попрошил! Видишь, мучаются!

Она заплакала вразлеб и тут же заснула.

Я только было настроился полезать в очки тиконью и пофантазировать, что думает обо мне Иванов, как вошла ленинградская тета.

— Ну, город... зашелство в очках... ну, народ. Все спать улеглись, расхрапывают и в ус не дуют, что одинокий мальчик сидит в классе. Хоть бы кто-то стал как-то поинтересоваться. Ну, подождите, я вас спрошу. Я вас спрошу! У меня стоп ломиться будет!

— Ужин на кухне, — сказала я быстро.

— Спасибо, милая, я съела, — так же быстро ответила тета.

Я только успел сообразить, а она уже подумала, что завтра надо обязательно вернуть ей три рубля, как на меня нависла сон.

— Наутро в школе я долго прятал очки в портфеле и все не решался надеть. Иванов сидела совсем близко, на соседнем ряду. Между нами было только два человека — мой сосед и ее сосед, Иванушка и милая. Я вспомню, о котором я сейчас буду говорить, — это самый лучший. Красавчик у нас в классе ее никто не считал, девчачьи группировки вокруг нее не образовались, из школы она обыкновенно шла со своей вечной подружкой Смирновой, и из других классов не приходили на нее смотреть, как сканер, на футуражу волос. Но даже в этой обстановке была одна особенность: для меня было большое достоинство. За лето она очень сильно загорела, и глаза ее, обычно серые, стали зелеными, и я за это почти перестал с ней разговаривать. Мне все казалось, что если Иванов и становится краше, то это, конечно, не для меня. Все, начиная с фамилии и кончая взглядом, простым и приветливым, было в ней обыкновенно, нормальным. Мне нравилось смотреть, как Иванов передает записки. Через ее парту шел основной поток позты, даже сидели наши писаные красотки Морев и Снегов — люди невестственные и фальшивые, такие же фальшивые, как их фамилия, будто бы выдуманные, бросающиеся в глаза, как ставшие зубами Ивановы принимала записку вежливо, без всяких там гримас неудовольствия или пренебрежения и передавала ее не как-нибудь через плечо, а добросовестно обнурявшись и отыскав глазами адресат. Все у нее вышло естественно. Мне очень надо было знать, что она обо мне думает, и мне было приятно самоубийство: математичка устроила бы из этого аттракцион и осмелела бы меня на всю школу. Вторым уроком была литература, но здесь меня просто выставили ругаться без английского, и в занесении решила. Англичанка была еще молода и, когда терпела, старалась сделать вид, что ничего не замечает. Я осторожно вытаскил очки из портфеля, извлек их из лапирисной бумажки, протер латексом стекла и нацепил. Момент был выбран удачный: как раз шел спрос, и всем было слышно.

— Брже, что я услышал! Это был мой, рев, грохот, свист, потом опять леденящий душу вой, как в магнитофоне, когда по ошибке нажимаешь одновременно запись и динамики. Я не сообразил, что при большом скоплении людей мои очки должны реветь и обильно стучать, но когда еще я не успел ни на что ответить, мои уши услышали мысли Ивановой! На переменах я к ней не подходил, а после школы она тем более была для меня потерян.

Минут пятнадцать я сидел, вертел головой в своих желтых очках, пытаясь настроиться на волну Ивановой, а все никак не мог пробиться через поток.

— Хэй ду юэ, как его. Хэй ду д хэ ту гоу спининг рашинг, нэт, стадин рашинг... идютизм какой-то, стадин рашинг, нэт, стадин рашинг... — бормотала вокруг меня: — Ту рай, ту рай, ту рай, ту рай, ту рай, ту рай... Дистинция, дистинция, дистинция, дистинция, дистинция, в общем, шибаль, язык сломать можно.

— Ай зэ сорри, — бубнил сзади Морев, — бат ай кант анвер, бекоу ай воз или стедер, ай зэ сорри, бат ай... —

Но громче все раздавался голос Пауелина, моего непосредственного соседа по парте. Он сидел, уставясь прямо перед собой, и блаженно жмурился временами, а его мысли я полил, то мурлыкал у меня в очках.

— Сарделечка, эх... Сарделечка, мюк, туская такая, один боком беленький, икончик с кондов обваренные, оттуда розовое мясо временами вылезало, развально ее бедную, и шкурочку мы с нее акуратно так снимаем. Мохлатая внутри шкурочка, ее мы потом, потом... Вот голенькая, мякнющая, парок от нее — тарари-барарам, — горничку чуть-чуть пометилички кончик — ай ам. У. Э. Э. сарделечка! Жаль мне тебя. Ты мюкряная, ты гостеприимная.

— Ту рай, ту рай, ту ритен, — радостно подпевала ему Прохорова — третья партка слева — и тынула руку к потолку: мне спросите, меня. Вечно она тынула руку, а вышуту! — ни бе, ни коя.

Вдруг Прохорова выпрямилась, и не разжимая губ, тоскливо сказала:

— О господи, Ну, что ж я такая глупая, что ж я такая глупая! Неужели это сто на всю жизнь?

Я прислушался.

«Мамочка, миленькая» — думала Прохорова, не переставая, однако, тынуть руку — не вправо, а влево, а мамочка, что я могу с собой поделать, если я не понимаю ничего. Все понимаю, а я не понимаю. Только бы не спросили, только бы не спросили, мамочка, не сердись».

Мне стало неловко, и я поспешил повернуться лицом к Ивановой. Краем уха задала голос Морева. Морев уже кончил сочинять свой ответ и бормотал что-то жеманское.

— Братика накормить — раз, поленил постирать — два, вынести мусорный бак — три, поленил в прачечную, поленил выключатель на кухне поубавить, а сун все это время варится, варится, пеленочка съезит, турусту! Это было настолько неловко, что Морев, что я оглянулся проверить. Но нет: это было именно его волна. Морев сидел с лицом озабоченного бездельника, и никто, кроме меня, не угадал бы, о чем он сейчас думает.

А со стороны Ивановой не доносилось ни звука. Мало того, что я не слышал: она эрмирановая мысли других как будто была слышна из свинца.

Я смотрел на Иванову, не отрываясь. Она спокойно сидела, положив обе руки на парту (пожалуй, у нее одной сохранилась эта привычка первого класса) и глядя не на англичанку, а чуть в сторону от нее (чтобы не нарваться на вызов, многие учителя особенно молодые, это не лю-

бят), безмятежно ждала ответа. Все в ней было прекрасно: профиль, пробное, темное-темное платье (в форме она не ходила с начала этого года).

Только мысли ее до меня не доходили. Их задавала — я никак не успевал отвечать. Ивановой ее деловитый мой взгляд и недогугоче обнурялся. Увидела меня в очках, брови ее поднялись, она толкнула локтем соседа и фыркнула. Я поспешил отворнувшись — и понал на волну Снегова. Снегов, морщась, смотрел в окно, у него было лицо страдающего и поэта. Выбывало на прыжок к воротам, — кричала Смирнова и милая. Рагулин, справа Кузмин, вперед много нет. Ворота mussten: они взяли шестого полевого, ну что ж. Их парку рисковало, наше парку — улыбаются спортивному стучаю. Давай! — говорит Рагулин. И — шибай мне. Я — раз пошел, понеслась, зарылась, как собака. Подождала — я никак не могла, говорила, улыбаюсь. Гол. Вынимаю сам из ворот, бью — еще гол. Олять вынимаю, опять бью — еще гол, еще. Трибуны визжат, шведы облебли. Стоят адалеке и не решаются подходить. А я вынимаю и бью, вынимаю и бью, спокойно так, красиво. Давай, браток, — кричит мне Рагулин, — Давай!

Я завалился, должно быть, и не заметил, как меня засекла англичанка. В реакции у нее было четыре этапа. Сначала она краснела, и глаза ее наполнялись слезами. Потом демонстративно отворачивалась и старалась ускользнуть. Гол. Вынимаю сам из ворот, бью, вынимаю, смотрю в окно и иронически улыбаюсь, сильно при этом беднею. В нем заключалось четвертый этап, нам было неизвестно, так как никто пока еще до него не доходил.

Видимо, мы с ней прошли уже все три этапа, потому что, когда в 0 на английском, она пристально на меня смотрела, и мне начала. Класс молчал тогда, класс даже перестал думать: все идяли, каким же будет четвертый этап.

— Лиси ту ми, Карпенко, — сказала наконец англичанка, — ит из з бэд Джок, белли ми.

— Я снова зашамкала. Я ничего не понял, но содрал с лица очки и медленно встал. Все класс смотрел на меня с любопытством, ожидая жеста. Ивановя тоже, она заранее приготовилась смеяться, это видно было в ее глазах. Один Пелепин поднял на меня бесмысленный взгляд и снова погрузился в свои фантазии. Да Снегов посмотрел презрительно и отвернулся.

— Джук — значит шутка! — громко объяснил Морев. — Карпенко у нас джокер в нашей колоде. Есть тузы, есть валеты, дамы, а есть джокер.

Он готов был уже поорудовать вслух на эту тему, но англичанка по блаженству еще больше и сильнее мурлыкала.

— Хэй аул ю эксплейн ит, Карпенко! Ар ю или!

— Ну, ай эм, от — с наутой сказал я. — Май айз ар илл. Эйт зонд от велл.

Англичанка посмотрела на меня пристально, не смеясь ли я, но мне было надо думать, и она успокоилась.

— Ну, хорошо, — сказала она по-русски. — Садитесь и можете надеть очки, если вам без них трудно. Бат аз анвер об Карпенко контеят уон мити. Узар из ит!

Прохоров подпрыгнул за своей партией и потянулся вверх руки. Класс немедленно зашуршал стриминалами, и дел и, поколебавшись, снова начал думать. Мне было очень неловко перед англичанкой, но не надеть очки после разрешения было тоже неловко. Опять заверещало, зашамкала, зашамкала у меня за шеями, забормотала Пелепин, забубнил Морев, но все это было мне уже неизвестно. Я обильно стучал, но не слышал, что мне Ивановя: возможно, подумал я, она вообще ничего ни о ком не думает, сидит и смотрит — и все. Я ерзал за своей партией и переживал. Так вот от какой, этот четвертый этап: лишь бы над ней не смеялись.

А это шучу, как дурок, в своих желтых очках и примор подую: действительно джокер, Гол, доброго, с анализаторами стану на урок придти, а то и в плавках: с Морева становится. Мысли вздумал чинить, а что с ними делать, с чужими мыслями! Сама идея вдруг оказалась мне неинтересной.

Ну, хорошо, узнаю я, что думает обо мне Ивановя, если думаю вообще, с чего-то Допустим, влюблена в меня по уши, страдать и видеть меня в ах и в ах! А то же — шантажировать ее стну! Или ходить за ней по пяткам и выдывать! А то еще можно писать ей записки с намеками (мол, тут, кто тебя интересует, ждет там-то и там-то, давай приходи) или просто групо подмигнуть. Возможно, Морев не думает, что со мной смеется, но Ивановя, что она Ивановя: возможно, подумал я, мне стыдно будет показаться ей в глаза, в другую школу передастся, тем дело и кончится. Это еще я знал наилучший вариант, фантастический, невозможный. А если допустить эти дурные очки и мысли, то мне придется выдумывать, что думать обо мне англичанка. Ну, бовен я или комедию играл, способный или неспособный. Я поднял на нее глаза (она стояла у доски и объясняла «перфект континуус») и тут же быстро снял очки: это было дешово, базарное, недостоинство. Но англичанка заметила это. Она по-прежнему сидела на месте, спокойно, как всегда, но ее взгляд был направлен на меня, а не на доску.

— Вам плохо, Карпенко! — спросила она по-английски, не помню уже, как.

Я пробормотал что-то в ответ, покраснел все, как райское яблочко, протер стекла своих зловещих очков и снова наддел.

Но сделал это не в добрый час, потому что дверь распахнулась, и в класс быстрым шагом вошел директор. Директор наш был человек невообразимой, но целыми днями мурлыкал. Он подошел к нам, как будто к себе, и начал говорить в мой адрес. Он подошел к нам, как будто к себе, и начал говорить в мой адрес. Он подошел к нам, как будто к себе, и начал говорить в мой адрес.

— А это что за фантазм! — спросил директор, посмотрев сначала на меня, потом на англичанку.

— Карпенко жалуется на глаза, — быстро ответила англичанка и покраснела.

Я смил очни и тоже покраснел, еще сочнее, чем раньше, так мы стояли оба и краснели, а директор смотрел попеременно то на меня, то на нее. И класс смотрел, и классу было очень интересно, и Иванов смотрел: без насмешки, без жалости, без презрения, просто смотрел.

— Так, — сказал директор, — так, познательно. А вы садитесь, садитесь. Кроме тебя, Карпенко. Ну, подожди сюда ко мне. Да очки-то надев. Очки и надевать не стал, но подождать подошел, конечно.

— Ты и класс повернись, чтобы все тебе виднелось, — сказал директор, — «Мартышка и старости слаба глазами стала, а от людей она слышала, что это зло не столь большой шок, лишь стоит завести очки».

Надо было видеть, с какими удовольствиями он процитировал эти строчки. Он бы цитировал и дальше, но я сказал ему:

— Возможно, и неправ, но и вы неправы тоже. Почему, собственно, мартышка?

— Так, милый, как же еще тебе назвать? — ласково спросил директор. — Очки-то ведь тебе без нужды!

— Без нужды, — ответил я, — но вы-то об этом еще не знаете. Зачем же сразу оскорблять?

— Знаю, — сказал директор, — все это ты фокусы знаю. Сам в школе учишься. Могу тебе даже сказать, зачем ты эти очки в школу принес.

— Зачем? — спросил я.

— Да уж, конечно, не затем, чтоб пофигорить. И вряд ли для того, чтоб над учителями покуражиться. Ты и неглуп и в хорошей семье воспитан.

— А для чего же тогда? — угрозо спросил я, зажав очки в кулаке.

— Он в Интерпол поступил, там все такие очки носят! — крикнул сзади Морев.

— Ты психиди, Интерпол, — строго сказал ему директор. — Я до тебя еще сегодня доберусь, хорошо, что напомнил. Кто в уборной потолок окраски залепил? Весь потолок белить заставляю, понял!

— Вы разрешите мне продолжать урок! — тихо сказала англичанка.

— Да, конечно, — послышал ответ директор. — Но уж Карленко я от вас заберу.

— Пожалуйста, — проговорила англичанка и, даже не взглянув на меня, отвернулась к доске.

Пойдем, Карпенко, — сказал мне директор. — Да ты очки-то не лоды, дай директору посмотреть.

Он протянул руку. Поколебавшись, я отдал ему очки, все еще надеясь, что он посмотрит и вернет их обратно. Но директор решительно сунул очки в карман.

В дверях я взглянул. Ребята смотрели мне вслед: кто ободрающе, кто просто сочувственно, но все, в общем, спокойно. Они не знали еще, какая над ними нависла беда. Я посмотрел на Иванову — и вдруг без всяких очков понял, что она обо мне думает. Как это получилось, не знаю. Просто понял — и все. Осеню. А думала она примерно следующее: «И зачем это тебе нужны очки, Карпенко? Ты смешишь, ну и так не видно, что мне нравятся, когда ты на меня смотришь? Мне, может быть, даже нужно, чтобы ты на меня все время смотрел. Но без этих ужасных очков, и где ты их только взял!» Может быть, я прочитал бы и больше — так долго она на меня глядела. — но дверь за мною закрылась.

В коридоре директор достал очки, повертел их в руках, надел. Обернулся, взглянул мне в лицо. Я поморщился.

— Так, — сказал директор задумчиво и медленно снял очки. — Вот оно, знаешь, что. Ну, беру свои инструменты, носи на здоровье.

Он протянул мне очки. Рука моя дернулась, но я не взял: я и не верил. Я взял очки у директора. — Мне без надобности, а ты носи, если совсем не повезает.

Он положил очки на подоконник и пошел по коридору, не оборачиваясь. Минуту я стоял неподвижно, потом взял очки, размазавшись и вышвырнул их в окно.

Визгу был звук, вода даже не всплеснулась.

— Все пятеро.

Тут подошел самый момент спросить, за что получил он Золотую Звезду Героя. Андрей Васильевич смутился:

— Да я и сам не знаю.

С большим трудом упрямил я его показать мне награжденный лист. Вот выдержка из этого документа, утвержденного Военным Советом 1-го Белорусского фронта за подписями маршала Жукова и генерала Телегина:

«31 декабря 1942 года 2-я гвардейский кавполк получил боевое задание — не допустить прорыва противника, который намечался выйти из окружения на север для соединения со своими частями в районе города Ратцебург. Завязались тяжелые бои с двумя дивизиями «СС» «Норланд» и 15-ю Латвийскую гвардейскую.

Тов. Костюк получил задание не допустить отхода своих батальонных частей врага на ратцебургское шоссе. В течение 1 и 2 января 1945 года фашисты большими силами проводили непрерывные атаки на складской полк. Батарея Костюка находилась на главном направлении атак. Благодаря мастерству и отваге капитана Костюка и героизму личного состава батареяцы все время были отбиты». Около 800 трупов врага остались лежать на поле боя.

В ночь на 3 января противник, обходя фланг полка, навалился на батарею Костюка. Когда окончились бои, Костюк организовал круговую оборону, ведя огонь из личного оружия. Когда немцы ворвались на огневую позицию, батареяцы пустились в горя гранаты и пошли в рукопашный бой. На помощь пришли 1-й эскадрон. Враг был разгромлен. В плен было захвачено 52 солдата и 2 офицера.

В боях за Штеттинский укрепленный район, на окраине населенного пункта Коцефельд, 1 марта Костюк с двумя разведчиками своей батареи и шестью другими солдатами захватили железобетонный бункер и занял в плен весь его гарнизон в количестве 20 гитлеровцев.

2 марта в бою за железнодорожную станцию Ойленбург тов. Костюк

поднял бойцов в атаку и в рукопашном бою выбил противника.

Тов. Костюк и его батарея показывают во всех видах боевое мужество, отвагу, героизм. Лично высокодисциплинированный, волевой офицер, настоящий мастер огневой дела.

За личный героизм и настойчивость в выполнении боевых задач достоин звания Героя Советского Союза.

Что же привело героя войны в Якушнинскую детскую колонию? Почему после окончания войны он стал воспитателем детей? Произошла много встреч, пока я решился задать Андрею Васильевичу этот главный вопрос. И вот что он рассказало:

— Самое страшное на войне — смерть. Нет ничего страшнее, чем видеть, как гибнут живые люди. То, что герои не боятся смерти, неправда. Люди умирают по-разному. Но никто из тех, кто прошлся с жизнью на моих глазах, не умерал с улыбкой. Кто мог говорить, шептал имена близких, просил передать им последний привет. Я слышал, как произносят имена детей, и тогда, под взрывом бомбы и свист пули, дал себе зорек: прийти к детям. Так я оказался в детской колонии.

Андрей Васильевич показывает мне папку письма, пришедших со всех концов Советского Союза и даже из зарубежных стран. Это письма бывших воспитанников колонии. Среди адресатов я замечаю Миколу Илнка, героя упомянутого мной рассказа «Очкарки». А вот весточка от скульптора Владимира Терехова, автора бюста Феликса Дзержинского на Антона Маханеро, установленных в территории колонии.

Почти четверть века отдал Андрей Васильевич Костюк воспитанию подрастающего поколения. Инициатива помог ему стать на правильный путь, выковать характер целеустремленного борца-ленинца. С большой благодарностью отзывается об этом человеке бывшие воспитанники колонии. И среди них Миколу Илнка, герой рассказа, начатогого в «Смешень».

Л. САЗИМЧИЧ,
полковник запаса

РОДНИКИ

Красота родной земли

Георгий СЕМЕНОВ,
Анатолий ФИРСОВ [фото]

Бывает, бежит тропинка среди ржаного поля, отполированная до каменной наковальни прочностью и гладкости, а в эфирном небе трепещет красавица полевая пустельга и, словно бы ветром сносимая, отлетает от тебя все дальше и дальше, но снова зависает над полем, и слышно тогда, как звенит в ушах зноящая, желтая рожь, и сил уже, кажется, нет выносить истерпимую жажду.

Но вот уже рожь осталась позади, и тропка потерлась в ромашках, заглохла в бундии, разноцветья, а по колоскам троем стучат тямольные цыцки. Пустельга вдруг куда-то пропала, растворилась в полуденном мареве. А впереди, за лугом, овражек, а в овражке ольха, а там, и олушка леса. Идти несут тебя с новой силой и зной ольха, но в самшитово-дубовой ее чащобе, на дне оврага, видишь ты речные камушки на сухих песчаных выносах, видишь, как бежала весной и как рыла свои камне-то изнанки, свои маленькие пороги юркая и быстрая вода, которую не смогла уберечь от зноя непролазная ольха и черемуха.

След ручейка — каменистое его донышко — манит своей свежестью, и чудится тебе, что под ногами бежит такая прозрачная и такая чистая вода, что ты просто не можешь глазами увидеть ее — она здесь, но ты не в силах разглядеть ее — не видишь.

И ты идешь по этому руслу иссякшего ручейка,

Голубая излучина. В березовом коридоре.

«Молодая проза Сибири». Так называется пятидесяти-томная библиотека книг молодых литераторов, издаваемая по решению ЦК ВЛКСМ и Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Западно-Сибирским книжным издательством.

Рассказать об этом издании наш корреспондент попросил главного редактора библиотеки «Молодая проза Сибири», главного редактора Западно-Сибирского книжного издательства А. У. Китайника.

— Почему именно так — «Молодая проза Сибири» — названа новая библиотека?

— «Молодая проза Сибири» — это не только название большого и, если хотите, уникального издания. Создание библиотеки — процесс отраженный, лишь подчеркивающий, утверждающий существование целого явления в российской литературе, самостоятельного в ней раздела, названного самой жизнью.

В легендарные тридцатые годы, в дни, когда на берегу Амура начала свое рождение город комсомольской славы — с этих дней, видимо, нужно начинать отсчет величайшему явлению времени — движению советской молодежи на Дальний Восток, в Сибирь, в Крайний Север и в другие необжитые, но крайне перспективные.

Всякое великое не обходится без своего зеркала. Движение советской молодежи в Сибирь, жизнь и борьба молодых сибиряков, этот мощный процесс рождал и свою литературу — многочисленные произведения молодых писателей, посвященные молодым героям Сибири и предназначенные для молодых читателей. Это, собственно, и определило значение пятидесятитомной библиотеки для поколения, рассматриваемой в Сибири молодежи.

— Вы сказали, что эта библиотека уникальна. В чем ее уникальность?

— До революции в России издавался журнал «Библиотека для чтения». Само название предопределяло характер, названный как бы помогающий читателю из всего многообразия написанного выбрать наилучшее, пред-

оставить его, создать круг чтения. Позже Горький предлагал издать библиотеку, восходящую к историческому изданию «Молодая проза Сибири» как бы восходящую в себе эти начала, живи на себе немолодого, но крайне необходимую миссию образователю, кругу чтения, посвященного героическому труду, борьбе, исканиям молодого нашего современника в Сибири.

Кроме того, уникальность серии состоит в том, что впервые в мире предпринято столь солидное и целенаправленное издание произведений — молодых авторов. К этому следует добавить — издание массовое. Каждый томик библиотеки выходит массовым стотысячным тиражом. А удобный карманный формат книги позволяет, чтобы она стала спутником геолога, шофера, строите-

ля, чтобы книга молодого литератора стала в полном смысле слова карманной книгой молодого сибиряка.

— И только сибиряка!

— Нет, конечно. Пожалуй, главный смысл библиотеки состоит в том, чтобы средствами художественной литературы привлечь в Сибирь, уралье, в Сибиряка, так сказать, потенциально. Известно, какое глубокое эмоциональное впечатление оказывает хорошая книга на молодой ум, и мы надеемся, что, почитав книги «Молодой проза Сибири», многие юноши и девушки, выбирающие жизненный путь, решатся стать сибиряками. Потому книги библиотеки «Молодая проза Сибири» хотя и издаются в Новосибирске, но продается повсюду — на Украине, в Доббассе, в Белоруссии.

по чистому песочку и по гальке, шагаясь через увядающие деревца и видяшь вдруг, и чудеш, и чудеш, и слышишь, и ощущаешь легкость и поворачивающую сырость, которая не то чтобы стелется, а как бы сочится с склона оврага, словно бы отогрета земля, набухла и раскисла, словно бы живая она и издает у тебя на глазах, и то там, то здесь сырость ее бок поворачивает, поближекает влажно.

У каждого родника своя характер, свои манеры, свои голоса, а впуск воды всегда разный.

Этот приток под ломатыми корнями ольхи и чуть дальше в неглубоком лукошке, чуть выше, живое, сернистое, соканное из мельчайших воздушных пылинок, дождевой, и его чистоты и прозрачности хватает только на один глоток, потому что стоит тебе прикоснуться губами к его морозной воде, как сразу же поднимется сернистое облачко, и родник, который только что был прозрачен и нежен и ты только что видел, как пошевельнувшись у тебя перед глазами мельчайшие пылинки, превращается в извергия след наполненный мутой водичкой. И всего-то — прикосновение губ!

А другой родник бьет из речного берега, и вода его, стечая потоком в речку, спустя день и ночь, или инеем-набухшая горная речка. Издается добрый человек, делает какой-то звук, упрямый его у плеча, и вода будет скользить по доверчивому желобу и ладать кручиной струей, выливая сорному. И от этих зонит шарогу тархаш ты голову, и минута же хочется уздуть от сверху-голу, вкисной, злодородной и неслыханной воды, и очарованным жмуриться в восторге на вечный

источник, словно ты первый пришел к нему и никто на свете еще не знает об этом шумном роднике на берегу реки, который плавно и тихо течет по изрытому, каменистому дну, который темно прозрачна и в котором водятся скляные, крупные голыши и шересперы...

Что-то и не припомню сейчас ни один реки в наших средине, как ее называют, полосо России, на берегах которой не были бы протоптаны светлые тропинки.

Идешь по такой тропинке от изгиба реки до другого изгиба. И нет в тебе и намеча на усталость, как нет конца этим тропинкам. А вода в реке вдруг помрачнеет, замедлит шаг на глубоких яздах, зеленые кусты инея нависнут над ней, но тропинка уже увела тебя и отделила и горнички раскины. Песок так мерзнет, что босые ноги не терпят его жара. Рыбья мелюзга стовит гуртаться на отгелев, серая тенью отходит от берега, посперывая ртутными своими чушниками. Сколько же!

А на луку, на опушке леса, лиловые цветы факели и белые ромашки и дождевик пахнет так уютно и так сильно, словно где-то рядом вьет под солнышком только что скошенная трава.

И вот тут, на туче опущах под березами на буграх, расстел самаз плушая и самаз душастая ягода — русская клубника, или, как ее еще называют, дикая клубника. Величиной она не многим больше обыкновенной земляники, но по форме отличается от нее: приплюснутая, хотя, в общем-то, круглая и ровная ягода, которая, поспевая, сначала белеет, наливаясь ароматом, а потом бочок ее проливается нежной розовостью. И вот

каждо такая ягода поладет тебе на язык, то ин один фрукт, взращенный на любви широтах земли, не в силах соперничать с ней по вкусу и тонкому, ни с чем не сравнимому аромату.

Илизна реки внизу Тимина и покой. Ох, как ладает дождевик! И как горит твое лицо от душевного зноя!

Есть особая прелесть и в тихих озерах, в берегах которых подступают влажные лес. В сумерках, в заболоченном углу озера лягушки поют на все голоса, заспят комары, плещущие сумеречные рыбки. Пространно и хорошо. И вода как будто застывшая до утра.

Во всецелые тучные воды, быстрые и речные порекаты манят к себе своим вечным обновлением, и ты, заторопившись, можешь до утра смотреть на бегущие воды, как будто ты ослепишь в огонь ночного костра.

В России у нас великое множество ручьев, речушек и рек... Но, когда ты думаешь о реках, у тебя перед глазами встает твой единственный, тобою названный, открытый тебе, любимая и родная тебе река.

У каждого своя река. Люди рождаются ополорен и мигнут на их берегах. И нуды бы мы ни шли, нуды бы мы ни едали, тропинки и дороги пресудут нас все равно и река.

Пусть это будет тихая лесная речушка, спрятавшаяся в ольховых зарослях, проливающая весенними лесными сопками, которая плавно и мирно течет по плетистой долинке...

Пусть это будет волнная и широкая река, на Бе-

Тихий берег.

И мы надеемся, что томики библиотеки дойдут до адресата, до его сердца.

— Кто же авторы новой библиотеки? Каким темам и проблемам посвящены их произведения?

— События, происходящие сейчас в Сибири — грандиозное строительство, экономические и социальные преобразования, приток молодежи, — привлекают и привлекают к себе талантливых молодых писателей. Творческие биографии Владимира Чивалова, Анатолия Приставкина, Владимира Санги, Гария Немченко, Геннадия Машкина и многих других литераторов неразрывно связаны с молодостью Сибири и ее героическими делами. Молодая проза Сибири — проза о самоотверженном труде молодежи, комсомола в суровом сибирском крае — это проза, обладающая своими качественными особенностями.

Как и молодежь их современники, их герои, молодцы сами писатели. Характерно, что многие из них — не профессиональные литераторы, а геологи, строители, журналисты. Даже сами переводы профессий тех, кто составляет и представляет молодую прозу Сибири, убеждают нас в достоверности и точности того, о чем они пишут. Геннадий Михасенко, к примеру, инженер строительства Бритской ГЭС, Аскольд Якубовский — топограф, Давид Константиновичский — физик, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев — журналисты. Известно ведь, если человек пишущий сам был причастен к тому, о чем он пишет, — все это во много раз ценней даже самых даровитых вымыслов.

Да, бесспорно, можно быть великолепным инженером, но это свойство

ничего не значит в литературе, если нет литературного дара. Но то, что молодые прозаики-сибиряки прощали закалку жизни, почерпнули из нее существо того, что они хотят сказать другим, — это большое достоинство, и это, именно это, определяет суть их творчества — серьезное, несомнительное, жизнеутверждающее.

Вот одна из книг новой библиотеки — роман Гария Немченко «Здравствуй, Галочкин». Не вдаваясь в оценки, обращу к судьбе самого писателя, которая очень характерна для молодой прозы вообще и сибирской в частности.

Гарий Немченко родом с Кубани, закончил факультет журналистики МГУ. Еще во время студенческой практики поехал в Новокузнецк, в многотражку строительства металлургического завода. Да так и прикипел к тем местам. Работал в газете, выпускал превосходную многотражку. Он, Гарий, придумал и ввел в оборот это динамичное и тонкое, обобщенное сейчас всю страну название стройки — «Записки». Удачная комсомольская стала его судьбой, его жизнью. Выпущенная многотражка, писал рассказы, потом закончил первый роман «Здравствуй, Галочкин». Домны Записки дал уже первый металл. И вместе с металлом на сто лет легла книга, если копнуть, летящая вострой.

Когда-то Горький призывал писателя создавать книги по истории заводов и фабрик. Вряд ли Гарий Немченко думал об этом призыве Горького, но у него получилось именно так. И, я думаю, в чем-то он пошел даже дальше: его роман не только история стройки, а ее современность.

— Какие еще книги вышла уже в библиотеке?

— Это томики лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Чивалова «Серебряные рыльца», куда вошли повести, отмеченные премией, роман победителя конкурса имени Николая Островского Владимира Колташова «Друже побед», романы Владимира Орлова «Солнчатый арбуз», Геннадия Емельянова «Берег правый», первый алтайский роман, принадлежавший перу молодого алтайского писателя Лазаря Кожышева, — «Арива». Изданы нами «Сибирские повести» Анатолия Приставкина, сборники повестей Олега Кузнецова «Осенняя охота на гусей», Вячеслава Шугаева «Бегу и возвращаюсь», Аскольда Якубовского «Мишва», Юрия Сбитнева «Стрелок из лука». В библиотеке вышла и историческая повесть Владислава Баврехского «Железные встреч солдату», посвященная освоению Сибири Семетеем Дежневым. Кроме романа алтайца Лазаря Кожышева, в библиотеке вышли «Сильный ветер Касания» майси Ювана Шестакова и «Ложный гоним» юнца Владимира Санги.

В серии также выпускаются сборники рассказов, каждый из которых объединяет под своей обложкой произведения десяти — пятнадцати молодых авторов.

— Среди «судей» новой библиотеки — Центральный Комитет ВЛКСМ. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Интерес комсомола и писательской общественности к молодым литераторам, работающим на востоке

страны, не случаен. Как известно, основать Сибирь едва тысячи и тысячи посланцев комсомола, а молодые писатели — неотъемлемая часть этого отряда. Ведь многие писатели ели и не прикасаясь в Сибирь вместе с землянами комсомольцев, то поселялись за ними, чтобы рассказать о молодых героях, или рождены как писатели этим поистине социальным движением.

Известно, что в последние годы ЦК ВЛКСМ и Правление Союза писателей РСФСР заботятся о литературной молодежи Сибири и Дальнего Востока, проводят два очень плодотворных семинара — в Чите и Кемерове. Издание библиотеки «Молодая проза Сибири» — продолжение этой заботы.

Комсомол рассматривает издание библиотеки как важную пропагандистскую акцию. Недавно в ведомстве постановлением ЦК ВЛКСМ о библиотеке «Молодая проза Сибири» комсомольским организациям, отправляющим своих посланцев в Сибирь, рекомендовано вручать молодым патриотам комплекты «Молодой прозы Сибири». Томики библиотеки будут включены в специальные библиографические указатели для молодежи, отдельные произведения — переведены на иностранные языки.

Книги молодых писателей, рассказывающих о Сибири, выходят уже третий год. Издательство получило их вих немало теплых отзывов. Но мы получаем много и таких писем, авторы которых спрашивают: где достать книги «Молодой прозы Сибири»?

Тем, кто не достал книги этой серии в своем городе, поселке, в ближайшем магазине, советую, адресуйтесь в Новосибирск: «Книга — почтой».

НЕПРОСТЫЕ ПАРНИ ГЕННАДИЯ САЙФУЛЛА

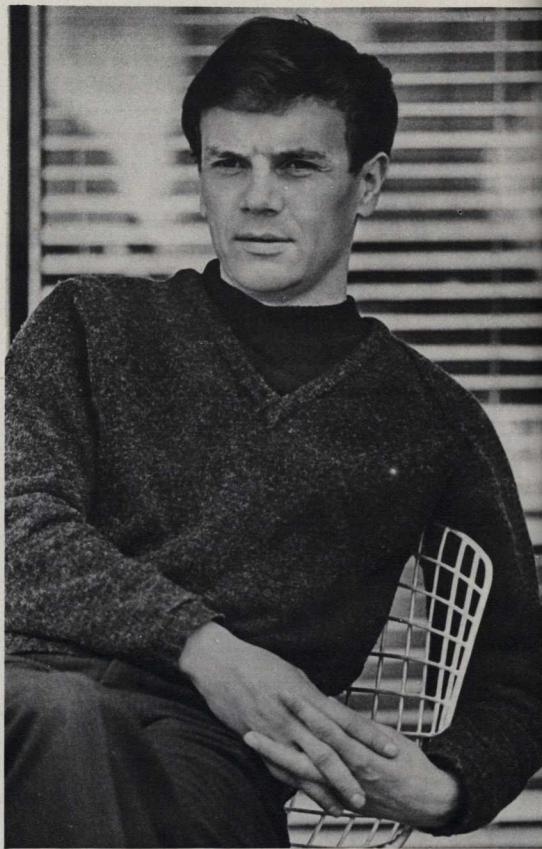
— Геннадий, вы почти одновременно сыграли в трех фильмах роли «обыкновенных», но определенно крутых, парней. Как вы относитесь к этим героям — как актер, как сверстник? Что вы думаете о проблемах нынешней рабочей молодежи — ведь в своем последнем фильме «Про Клаву Иванову» вы познакомили зрителей с интересным и нестандартным характером простого рабочего парня? Что привлекает вас в современных рабочих, молодых и позитивных?

— Один режиссер посоветовал мне не сниматься больше в роли молодых рабочих, чтобы избежать повторения.

К сожалению, многие считают, что актеры повторяются. А это не повторение — это поиск решений своей главной темы. Я твердо убежден, что у каждого актера есть своя выстраданная тема, которую он и стремится выразить даже в эпизодической роли. И вне зависимости от того, кто твой герой — спортсмен, летчик, рабочий, вне зависимости от профессии, чувства и ощущения твоего героя никогда не должны заслонять личность актера. Я считаю, что Коля из фильма «Три дня Виктора Чернышева» и Спирин из телефильма «Про Клаву Иванову» полярно противоположны. Обе роли дороги мне тем, что, играя их, я пытался выразить свое отношение к героям, привести свои наблюдения, раскрыть и донести до зрителя свою тему.

Я вырос в рабочей среде, мне не нужно было «вживаться» или находить с героями общий язык. Я их знал. И тех, кто часами торчит на углу, и тех, кто после работы мечется, не зная, куда девать молодость, силу, энергию. Шли годы, они вырастали, но их заменили другие. Что ожидало и тех и других — не знаю, возможно, они находили свой главный путь, свое место в жизни. Меня же интересовало одно: как выразить средствами актерской игры духовный мир Коли из «Трех дней...». Это до сих пор моя самая цельная, локальная, любимая роль. Небольшие роли вообще лучше играть не одной мыслью. Коля — явление остановившееся. Отсюда — злость, попытка самоутверждения через подавление других. Сам он не понимает драматизма своего положения. Ему вряд ли приходит в голову, что «если мы не идем вперед, мы идем назад». Этот человек уже стал опасным для общества. Я не хочу искать в нем хорошее. Говорят, что, играя плохого, нужно искать и хорошее. Я придерживаюсь другой точки зрения. Я не хочу оправдывать его посредством смягчающих ситуаций (психолог детства, например). Главное зависит от тебя. Мое неприятие Коли ясно и бесспорно.

Но я не хотел играть его отталкивающим — он и ироничен, и улыбается обаятельно, и даже при-

Геннадий Сайфуллин.

ти внешне. Но уже в пластике есть заданность: его размыченность, несобранность, его неумение сдерживать свои инстинкты.

Другой мой герой — персонаж с того же угла. Но если Коля — законченный характер, то Спирин, наоборот, парень с вывертами, «шальной», как говорит в народе. Он сам не знает, чего хочет от жизни. Не знает, куда девать силу, ум: у него нет своего пути. И от неопределенности, от бесщелочности он может и паровоз утащить, и в Читу улететь, и даже жить себе и другим помочь так, что не слышишь. Он не знает, как вести себя с Клавой. Слишком она чистая, скромная, гордая. Не получил бы он письма, не узнал бы, что сын у него растет, и не вернулся бы к ней. Его пришло к ней доброе течение. И Клава Спирину, что поболор дуряцкую мужскую гордыню, значит, есть потенциальная надежда, что Клава, хороший, настоящий человек, сможет удержать его от бессмысленной, путаной жизни. Спирин твистает и ней. Во всяком случае, есть надежда, что он станет человеком, достойным уважения.

Недавно в «Комсомолке» даже дискуссия была: почему ли быть рабочим? Модно это или не модно?

Когда я снимался в цехах, ко мне подходили и спрашивали не о том, модно или немодно быть актером, а о том, трудно или нет, сколько получало, много ли работаю. И я видел в этом не любопытство, а обычный интерес одного работающего человека к другому.

Они с уважением смотрели на наш труд, хотя мы вроде бы балагурили. Никогда не было на смешливых реплик, как часто случается на уличных съёмках. Они с уважением и с большим уважением относились к чужому труду, помогали нам, хотели узнать, как мы живем, какие мы — вестры...

С жилищными рабочими легко устанавливался контакт, ну, а с молодыми тем более. Меня больше всего подкупало именно это — умение оценить

чужой труд. По-моему, только человек, умеющий и любящий свое дело, может уважать чужое. Каким бы непонятым и простым оно ему ни казалось.

Дело не в том, будешь ты инженером с зарплатой в 120 рублей или токарем за 150. Будешь ли ты счастливым в своем выборе? Или тебе заботит только, «вышел ты в люди или нет».

Мой брат работает на заводе — здоровый парень, хорошо работает. Завод приучил его к дисциплине, к ответственности за свое дело. Я его спрашиваю: почему не хочешь в институт? А он считает, что в институт поступать — значит, делать карьеру ученого, а его на это не хватит. Так он — специалист, фрезеровщик, через два-три года шестой разряд будет иметь. Начал он изучать французский язык. Спрашиваю: зачем? Нравится. Много читает, следит за театральными премьерами, словом, обыкновенный московский парень. Никакой убогости в я нем не замечаю. Думаю, закончит учиться — найдет и время и силы. А нет — так что может быть лучше мастера своего дела?

Что касается проблемы рабочей молодежи, так это ведь и общепрофессиональные проблемы.

Для любого человека, кем бы он ни был, самое важное — нейти себя. Часто бывает: ну, не получилось в жизни, не вышло с любимым институтом, семья помогать надо было, или дети родились, или сил не хватало, не повезло... Что же, считать учиться — найдет и время и силы. А нет — так что может быть лучше мастера своего дела?

Или научиться мужеству? Не в школе как-то не ориентировали на то, что жизнь будет ставить препоны нашим мечтам, и необходимо быть готовым к этому и быть неустойчивым в достижениях не высокого поста, а возможности заниматься любимым делом.

Однимко восхищаясь я теми, кто может находить удовольствие в профессии продавца или пианиста, и теми, кто ночами напролет сидит над сложным оползунамасштабными проектами.

Я часто гуляю с дочкой во дворе и вижу, как

проходят мимо жильцы, и все до одного здороваются с нашим дворником дядей Колей. Всегда им чем-нибудь занят, то деревья подкапывает — старательно так, аккуратно, то двор убирает, то приколачивает что-то, то скамейки красит. И делает это все с удовольствием, с уважением к своему труду. Подумайтесь, забота — склейкой выскрести! А он знает четыре краски и умеет работать кисточкой. Может, не так уж это и отвечает канонам совершенного вкуса, зато вызывает добрую улыбку, и во дворе становится наряднее. Люди ходят мимо, здороваются, здороваются. И даже неуважения в его профессии не кажется ему унижением. «А что», — говорит, — работаю на свежем воздухе, двор у меня всегда прибран, все в порядке. Люди живые уважают».

Что же есть нужно человеку, если труд его уважает?

Читая газеты, узнаешь еще об одной злободневной проблеме — текучке. Один сотрудник — из-за условий труда, другое — из-за неудовствия в своей профессии. Отсюда — и прогулы, и бракованная продукция, и пьянство на работе. Не буду предполагать и угадывать. Тут должны разбираться люди иной профессии, чем моя. Скажу только, что, по-моему, все дело в дисциплине.

Театр — пример самой высокой дисциплины. Репетиция начинается в одиннадцать утра, спектакль — в двенадцать часов. Как можно не пойти на спектакль, опоздать на репетицию! Без меня не может состояться спектакль, многим людям будет интересно вечер, я подаведу своих коллег... И никого не интересует, счастья ты или нет, настроен играть или нет, — актер, ты выходишь на сцену, и ты должен быть выдержан, у тебя должны быть выглажены брюки, потому что внутренняя собранность, внутренняя дисциплина — залог того, что на тебя можно положиться, ты не подавешь своего партнера, sprижнешь и плохов настроение, и досаду, и антипатию (люди есть люди) и будешь играть в полную силу, с полной отдачей.

Казалось бы, что может быть праздничной жизнью актера! То в кино снимается, то на телевидении, гастроли, встречи со зрителями, премьеры... Но премьерство отошло в прошлое. Есть коллективы, законы коллектива — люди отвечают друг перед другом, есть ежедневная работа, обязанности, неудачи, неудовлетворенность ролью, иногда и возможности ролей нет. Тогда очень помогает одно положительное свойство — отсутствие честолюбия. Когда тебя не мучает забота — называй себя в массовку или дай эпизод. А на первом плане остается главное: ты актер, ты нашел себя, свое место в жизни, и если есть у тебя своя сокровенная главная тема, ты будешь играть и готовиться к встрече со «своими» героями, устами которого ты будешь проповедовать и испровергать.

Моя тема — это поиски гармонии, поиски лучшей жизни, неуспокоенность. Мне близки люди, которые борются за свои идеалы, не сдаются, после поражения умеют начинать жизнь сначала и побеждать. Я встречаюсь с такими людьми и горжусь знакомством с ними. Мне хотелось бы сыграть такого положительного героя — инстинктивно сложного характера, способного слышать все жизненные преграды, не поддаваться озлобленности, не потерять доброту, а продолжать творить и верить в победу.

Кем будет такой герой: рабочим или артистом, учителем или геологом, — мне неважно. Лишь бы была интересная драматическая ситуация. Герой моей мечты, мне кажется, нужен всем — и актерам и зрителям. Мне приходится читать разные киносценарии о рабочих парнях, зная так, понимаются проблемы. Мне кажется, важная проблема — проблема ответственности перед обществом, проблема личной ответственности. Ведь рано или поздно приходится за все отвечать. Актер, когда он бродит по улицам, идет в метро, заходит в магазин, встречает своих героев, подмечает жесты, ловит интонации, заполняет лица. Он видит вокруг себя такую же разную — веселую и трудную — жизнь. Но в силу специфики своей профессии он отбирает одно и отвергает другое.

Ведь все взаимосвязано. Все мы живем в одной стране, в похожих домах, по утрущим ездим на работу одним и тем же транспортом.

Мы занимаемся, казалось бы, будничными, скромными делами. То есть делаем свое дело. Сравниваем каждый на своем участке. И я верю, что побеждает или проигрывает, мы изменяем границу между добром и злом.

Беседу вел
Жанна ГРЕЧУХА

Кадры из фильма: «Хроника пикариующего болжарбаровца», «Три дня Виктора Чернышева», «Про Клаву Вязову».

СОЛЯНОЙ ПЛАСТ

Твоя профессия

Николай АКРИТОВ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

На вечер с юга примчался теплый ветер. Дрогнул на реке лед, заворочался. Всю ночь просидел Стяпан Соловьянов возле моста на двух ящиках взрывчатки, дежурил. Но мост сам справился с весенним буйством реки, затворов не было, и Соловьянов возвратился со своими ящиками на шахту.

Мы подгоняем под размер каски, поудобнее устраиваем за спиной аккумулятор, крутим лампочки, не зная, куда их прицелить.

— Да повесьте на шею — пусть висят, — подсказывают шахтеры. Они стоят ближе к окну, обсуждают новости, последствия ледохода, докуривают сигареты.

Из тьмы выпрыгнула клеть. Мы зашевелились, поправили каски, направились к створкам.

— Из спешить, — остановила нас рукоятчица. — Траба цього пана спустить.

«Пав» — соловьяновские ящики взрывчатки.

— И слава богу, что не пригодились, — приговаривает взрывник себе под нос, аккуратно ставя ящики в клеть.

Почетный груз отправляется вниз без Соловьянова, приехавшего к взрывным работам на глубину двухсот метров. Он ждет минуту и уходит. Отдыхать.

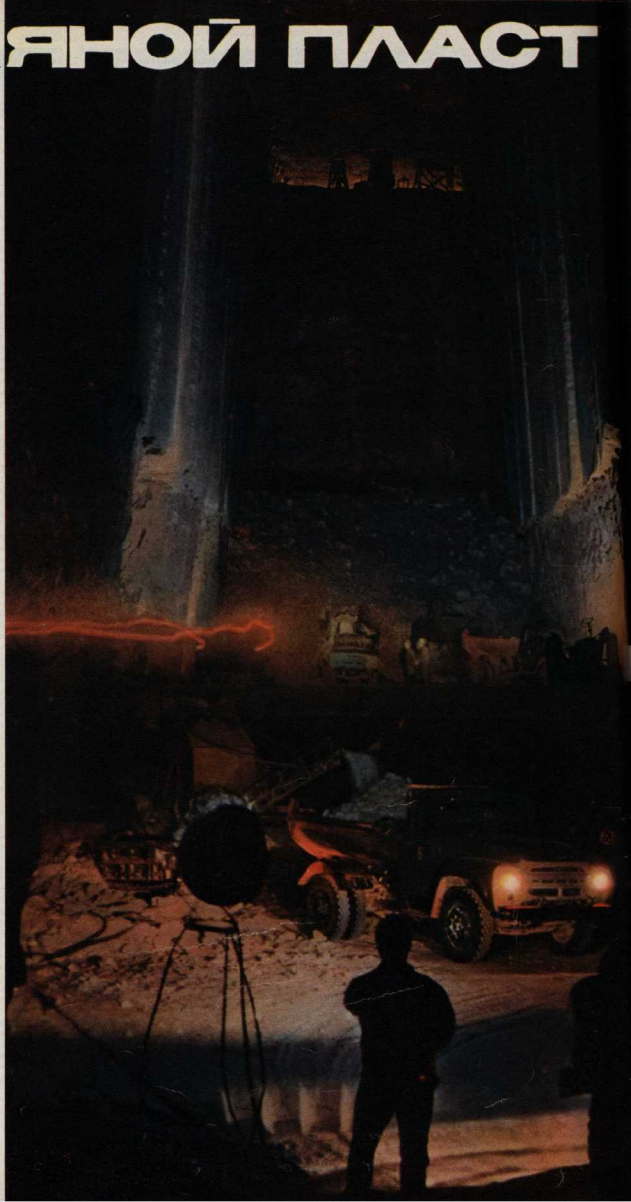
Наконец под нашими ногами вздрагивает металлический пол клетки. Сначала медленно, потом все быстрее ствол шахты побегал вверх. Лучи фонарей выхватывают сухой лик Виктора Ивановича Кравцова, улыбка профиль Саши Антонова, задумчивый — Саши Колюко... Мелькают разных оттенков слои соли.

Соль добывается поразному: на озере Бескумчак — открытым способом, в Крымской области поваренную соль получают из морской воды, в Славянске — из рассолов, а каменную соль — в шахтах.

Здесь, у Артемовска, бывшего Бакмута, в конце XIX века была заложена первая соляная шахта в России. За годы Советской власти построено еще восемь. На карте страны появился новый город соляников — Карпо-Либинетовски. С тех пор Донецкая область славится не только углем и металлом. Ордена Трудового Красного Знамени рудоуправление «Артемсоль» — самое крупное в стране предприятие по добыче соли шахтным способом. Оно дает одну треть общесоюзной добычи и половину — в фасованном виде.

— Наша шахта, — пока мы спускаемся, говорит Виктор Кравцов, начальник горных работ шахты имени

Галерея очищалась от соляной пыли и наполнялась грохотом экскаваторов и гулом автомобилей.

След проходческого комбайна на пласту.

Электрогазосварщик Юрий Леочко.

В шахту приходит гидробур.

КОСМИЧЕСКАЯ НЕФТЬ НА ЗЕМЛЕ

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТЫ

Володарского — работает по новой технологии. В чем ее суть? Вместо железных дорог применяются автомобили, подсекам пласт сверху, снизу, а по бокам обрезаем. Да вы и сами все увидите.

Виктор Кравцов в тридцать лет окончил Донецкий политехнический институт, работал на угольных шахтах. А прослышал о соляных — пришел в прошлом году сюда. Старый опыт помог сразу найти себя на новом месте.

«Клеть замедляет падение, стабилизирует. Железная площадка закатывается после трех шагов. Белое все: пол, главные станы, потолок. На стене — небольшой черной квадрат. На нем надпись: «Шахта имени Володарского, глубина 243 метра». И еще цифры, говорящие о температуре и влажности воздуха. Температура нормальная, а вот влажность...»

«Воздух чист, и легко дышится... Вспоминис разговор, состоявшийся накануне. Заместитель директора Всеобщего проектно-конструкторского бюро солевой промышленности Алексей Степанович Шилов рассказывал, что некоторые старые шахтные выработки будут использоваться под больницы. Брани доказали, что воздух в соляных шахтах целебен для людей с аллергическими заболеваниями. Экспериментальный проект таких лечебниц будет закончен уже в этом году. Белый солевой иней. Им покрывают все: скрепер, экскаваторы, фонари, автомашины, люди. Они в своих спецодеждах, как шерсть правдивая, возятся над врубишной. Она уже сделала свою работу — подрезала пласт соли. Жужжит электромоторы — буровицель Александр Тимоборевин. Рапило и Виктор Яковлевич заканчивают сверлить последние шпурты.

Под фонарем сидят взрывники. Рядом с ними в брикетных провалах вырывается Виктор Горбатенко греет спичку, хочется курить, но нельзя. За одиннадцать лет работы под землей Горбатенко освоил несколько специальностей. Но полюбилась одна — взрывник.

Замочники электробуры.

— Давай, ребята. Виктор стреляет в карман погнриженную спичку (соль засорять нельзя). Вслед поднялся его помощник Саша Коваленко.

О том, что работа взрывника на шахтах самая ответственная и опасная, знают все. Но в шахте нет распределения профессий на главные и второстепенные. Все главные. Все шахтеры — добытчики соли. На поверхности ко всем относятся с равным уважением. Их следовая пропильна не только соляной пылью, но и соляным потом.

Что-то вспомни, Горбатенко оборачивается к помощнику:

- Охрану проверни!
- Все на местах.
- Начнем.

Гнизна вздрогнула от резкой двойной трели свистка. Все. В эту зону забой взвод запрещен.

Только взрывом под силу разрушить эти пласты соли, по твердости уступающие граниту. Соль добывают так: подготавливают забойки обсекают пласт снизу и сверху. Между ними остается толщина до 28 и шириной 17 метров. С верхней подсеки машина специальным тросом с рессорами обливает этот пласт по бокам, как мыло инейкой. Потом бурят скважины и в одну из скважин взрывом отваливают до 7 тысяч тонн соли.

«Всплывути на длинных шестах фанель. Виктор Горбатенко поднес к одному короткому угольнику. Она задымилась, заискрилась. Это контроля. Пока она горит, взрывники должны успеть поднять все остальные.

Всплывути последний светячком шпура. Разный хлопок контроля предупреждает: «Пора в укрытие».

Все стоим за скалой. Шпата с аппаратом — в забой. Затвор открыт. Всплеск крошеща тампона.

Упругий кулак первого взрыва ударил по забою. И, как сорвавшаяся со сложенных подпорок, полетела и загрохотала тишина.

На подземных перекрестках рубиновым цветом горят знаки: «Берегись автомобиля», «Осторожно, пешеходы!». Но люди здесь встречаются редко. Чаще — машины. Все они направляются туда, где у громадной соли соня возвращается экскаватор.

Неожиданно петос свет. Остановился экскаватор. Выработка освещается только светом автомобильных фар. Пока инженер-энергетик Сергей Земельный и электрик Саша Колько подключают дополнительный фонарь, возле бачки с водой столпились водители.

Сергей вырос в шахтерском поселке. Все знал, все умел, что полезно мальчишке в его возрасте. Гонял голубей, помогал матери на огороде, ковырял с разными приспособлениями, от которых дома горели все пробы. После школы — армия. Институт он закончил, уже работая в шахте. Здесь у него большое хозяйство, без которого шахта и слепа и мертва. За смену он успевае побывать везде. В одном забое нужно переставить электродвигатель, в другом — перегреть электромотор. И везде он поспевает. И не потому, что он лпойся организатор, — все сам, а темой у него бесконечный запас терпения.

«Лотская служба завила Сашу Колько. Там он инего узнал, многому научился. В прошлом году он возвратился со службы, и в его дневники остались та особая матросская неторопливость, с которой он быстро и точно выполняет любое дело. До армии Александр закончил Харьковской электромеханический техникум. Там же вступил в комсомол.

Саша Антонов, пользуясь минутной передышкой, ковыряется в моторе.

— Ну, что тут у тебя, помошь! — подходит к нему экскаваторщик Николай Максименко. Их дружба имеет направленный характер — оба комсомольца решили овладеть смежными специальностями.

Зеленый разогнул спичку, смахнул со лба каленый пот.

— Готово.

Снова гремит экскаватор. Машины одна за другой уходят к главному конвейеру. По нему соль идет в грузовой бункера (сими) и выводится на-гора. И уже на поверхности окислительно дробится, сортируется, расфасовывается и грузится в железнодорожные вагоны.

Шахта имени Володарского скоро выйдет на проектную мощность, а вот шахта № 3, уже перекрыт ее, ежедневно в сутки дает четыре с половиной тысячи тонн соли. Скоро вступит в строй шахта имени Свердлова мощностью 1,5 миллиона тонн. С каждым годом рудуправление «Артемьсоля» увеличивает добычу соли. А без нее не только стол кривой. Этого минерала требуется все больше и больше. Соль используется в производстве кислоты и искусственного волокна, ядохимикатов и красителей... Без хлорных соединений не будет фторола и замрут все холодильные установки. Соль помогает вырабатывать пластмассы и лечить людей.

И когда шахтеры в рабочих спецодеждах поднимаются с отметки «243», то хочется встретить их по старинному русскому обычаю: «Хлеб-соль вам, соледобытчики!»

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

**Генерал-майор авиации
Б. АЛЕКСАНДРОВ,
полковник А. ЮРЬЕВ**

вожиданно я услышал глупый вздох и увидел оранжевое сияние, которое вдруг нахрипело, и, как мне кажется, у него отвалились крылья и хвостовое оперение...

Так случилось с американским летчиком Ф. Пауэрс последние секунды своей шпиральной карьеры. Его высотный самолет-разведчик «У-2» рухнул 1 мая 1960 года с 20-километровой высоты.

С тех пор рузунки и надежды Центрального разведывательного управления США использовать воздушных шпионов для разведки в Советском Союзе и других странах социалистического содружества, Советские Вооруженные Силы надменно заслонили пыл иностранным самолетом-разведчиком в воздушное пространство Страны Советов. И тогда руковоители американской разведки устремились снова в космос.

Официально Пентагон никогда не упоминает о своей космической разведывательной программе. Западные же печати, комментируя эту сторону деятельности американского министерства обороны, приводят следующие факты.

Разведывательные искусственные спутники США осуществляют с 1960 году. Все Земли США начали запустить в 1960 году. Все Земли СССР — в начале 1961 года. Все Земли Великобритании — в начале 1962 года. Все Земли Франции — в начале 1963 года. Все Земли ГДР — в начале 1964 года. Все Земли ФРГ — в начале 1965 года. Все Земли Японии — в начале 1966 года. Все Земли Индии — в начале 1967 года. Все Земли Австралии — в начале 1968 года. Все Земли Южной Америки — в начале 1969 года. Все Земли Африки — в начале 1970 года.

Какие же задачи ставятся спутникам-шпионами? Все они имеют четкое назначение — добывать военно-экономическую информацию об оборонительной мощи СССР и других стран социалистического содружества. Такой аппаратом являются военные и промышленные объекты; выявлять дислокацию и расположение авиации на аэродромах, кораблей в базах и другой военной техники; наблюдать за движением ракетных полигонов и запуском с них баллистических ракет, вскрывать систему противозушной обороны, подслушивать радиопереговоры между военными штабами.

Наиболее эффективным способом получения документальных сведений американцы считают фотографирование объектов из космоса. Современная фотоаппаратура для такого рода разведки, в том числе высокоскоростные мелкозернистые типы фотопленок обладают достаточно высокой эффективностью. В США, например, создан фотоаппарат с фокусным расстоянием более шести метров. Такой аппарат может снимать с высоты около 120 километров может снять любой объект минимальным размером до двух метров. Разрабатывают еще более длиннофокусные фотоаппараты, ими можно будет снимать больших объектов. Эти фотоаппараты компактные и малобаритные за счет так называемой «складывающейся оптики», а также за счет призм и перископических устройств. Понять фотографирование из космоса могут, однако, облака. В ночное время ступок фотографирование невозможно.

В США для космического фотошпионажа используют несколько модификаций разведывательных спутников. Первый спутник американцы запустили в 1961 году. Наиболее распространенная в настоящее время модель «Сэмоса» диаметром 1,5 и длиной 6,6 метра весит до 800 килограммов. Конструктивно спутник «Сэмос» — одно целое с последней ступенью ракеты-носителя «Аджена».

«Сэмосы» предназначены в основном для фотографирования двух задач: обзорной разведки и разведки конкретных объектов.

Спутники для обзорной разведки оборудованы, как правило, системой широкоугольного фотоаппарата с небольшим фокусным расстоянием и относительно небольшой разрешающей способностью. С большой высоты они могут

захватывать площадь шириной 150—800 километров и высотой до 100 километров. Такая аппаратура, которая передает информацию наземным станциям, даже если спутник ушел за пределы прямой видимости. О способности современных телевизионных камер можно судить по изображению, которое получается с паролем «Клэр обсервер-5». С высоты около 150 километров он «заметил на Луне след от катящейся каменной глыбы размером около 4,2 м».

Спутники обзорной разведки запускаются на полярную круговую орбиту высотой 300—480 километров с помощью ракеты-носителя «Тор-Аджена». Время существования спутника — 20—25 суток.

По сообщениям иностранной печати, в США создана новая модификация «Сэмоса» — для разведки конкретных объектов. Новое поколение спутников «Хизик» сообщает, что в июле 1966 года США запустили «Сэмос» усовершенствованного образца. С помощью специального двигателя он может по командам с Земли менять параметры орбиты.

На всех типах ИСЗ «Сэмос» устанавливаются как минимум два фотоаппарата. Оптическая ось одного направлена на Землю, другое — на звездное небо. Это точно ориентирует «Сэмос» в космосе. На последнем ИСЗ «Сэмос» имеются специальные радиозонотронные датчики. Если облететь съемки закрыт облаками, эти датчики автоматически выключают фотоаппарат.

Возможности фоторазведывательных спутников-шпионов зависят также и от количества фотопленки. На последних моделях «Сэмосов» стояли по шесть контейнеров с пленкой, каждый из которых весит более 135 килограммов. Теперь о том, как контролировать работу аппаратуры на спутниках этого типа, как получают экспонированную фотопленку. Управляют спутниками из Центра управления, расположенного в Саннивейде штата Калифорния. Соответственно с этих спутников принимают, обрабатывают и анализируют весь стаянный слежения. Некоторые из них расположены на Гавайских островах и на Кольд-Бей (Алутаскские острова), на авианосце Грэнвилл США и в Японии.

Когда спутник находится над пунктами разведки, центр управления включает камеру. Затем по команде контейнер со снятой пленкой сбрасывается со спутника в море. После отделения специальный двигатель переводит контейнер с орбиты на траекторию спуска. Теплозащитный слой предохраняет контейнер от перегрева при переходе из космоса в атмосферу. Скорость спуска гасится ленточным тормозным парашютом. На контейнере установлен радиомаяк, с него сбрасываются металлизированные ленты, все это позволяет быстро отыскать контейнер с помощью радиолокаторов. На высоте около 17 тысяч метров контейнер, от которого автоматически отделилось защитное покрытие, спускается на основном оранжевом парашюте. Когда контейнер вылезает из оболочки, по утверждению прессы, находится в Тихом океане — примерно в 300 километрах от Гавайских островов. В район приводнения вылетают несколько тяжелых вымпалов типа «С-15», которые с помощью специального троса перетягивают контейнер в воздухе или же поднимают из воды. Когда на Землю возвращается все шесть контейнеров, радиозонотронные станции «схватывают» спутник. Аппаратуру, установленную на нем, можно использовать вторично.

Как утверждает американская печать, с помощью фотоспутников можно получить информацию о военных объектах, базах, пунктах аэродромов, военно-морские базы, позиций межконтинентальных баллистических ракет. На фототрафаретах можно подсчитать количество и определить типы самолетов и боевых кораблей.

По свидетельствам американских научных обозревателей, радиотехнической разведке из космоса также придается сейчас первостепенное значение.

Радиоперехват во всех его видах, по мнению зарубежных специалистов, может дать разведчикам весьма важные данные о состоянии вооруженных сил противника, о его составе, численности его войск, штабов и пунктов управления, определить возможности системы противозушной обороны и т. д.

Возможности радиотехнической разведки со

спутников, как считают зарубежные специалисты, являются весьма обширными. Широко распространенная радиотехническая аппаратура может определить количество, дислокацию, тактико-технические характеристики радиолокационных станций противника. Она дает возможность проследить за передвижением объектов в воздухе, в сдвиге с судами и подводными лодками, следить за радиопеременами в войсках. По некоторым сообщениям, спутники могут передавать также информацию, которую получают по очереди «сборатор» от агентов, заброшенных на территорию той или иной страны.

Радиотехнической разведке в США ведут спутник «Феррет» — один из вариантов уже известного «Сэмоса» обзорной разведки. Разведывательным «Тор-Аджена» на полярные и круговые орбиты высоты 400—700 километров. Срок их существования — несколько лет. Спутники этого типа на Землю не возвращаются. Передаваемые ими радиотехнические сигналы и радиопереговоры записывают бортовые устройства. Затем, при установлении прямой ультракоротковолновой связи с наземными станциями добывают сведения и передают их в Центр управления для расшифровки и обработки.

Руководители разведывательных служб США возлагают большие надежды на «Мидас», который послужит аппаратурой инфракрасной разведки. С их помощью Пентагон хотел знать, где находятся стартовые позиции баллистических ракет в СССР.

В течение трех лет, начиная с 1961 года, США запустили на вытянутые эллиптические полярные орбиты семь «Мидасов». Высота их апогея до 4 800 километров, перигея — 5630 километров.

Американская печать указывала, что в 1963 году с помощью спутников «Мидас» командование ВВС запустило старты ракет «Атлас» и «Титан» с атлантического и тихоокеанского ракетных полигонов. Однако, несмотря на огромные затраты (стоимость системы — несколько миллиардов долларов), создать надежные системы «Мидас» не удалось. Аппаратура спутников не могла точно определять место пусков ракет. Разрушающая способность инфракрасных детекторов оказалась крайне низкой, они не отличали тепловые излучения ракет от солнечных лучей. В настоящее время научно-исследовательские организации США создают новые образцы такой аппаратуры. Ее испытывают на ракетных полигонах США.

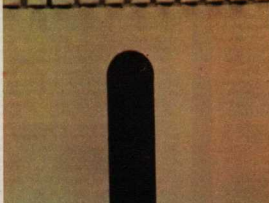
США созданы и функционируют еще одна система ИСЗ, известная под названием «Венда Хотел» — комплекс радиационной космической разведки. Система способна обнаруживать ядерные взрывы на поверхности Земли и в космосе. Она состоит из шести спутников и осуществляет контроль за радиационной обстановкой в космосе и сообщает ее на Землю, в Центр управления. Спутники системы «Венда Хотел» оснащены специальными оптическими датчиками и могут, по сообщениям зарубежной печати, обнаруживать ядерные взрывы мощностью в 1 мегатонну на расстоянии до 100 километров. Однако, несмотря на это, нельзя добывать сведения о подземных и подводных ядерных взрывах.

Научно-исследовательские центры США ведут разработку нового типа спутника-шпиона под кодовым названием «Фьюри». В 1970 году на эту программу отпущено 167 миллионов долларов. Как сообщает американская печать, новый спутник должен быть многоцелевым, то есть одновременно вести фоторазведку, обнаруживать пуск баллистических ракет и регистрировать взрывы ядерных устройств. Практические пуски спутников типа «Фьюри» ожидаются в 1971 году.

Что можно сказать в заключение об этом?

Как мы увидели, за последнее десятилетие в арсенале американской военициции появилось новое средство шпионажа — искусственные спутники. Земля, как никогда раньше, подвергается американской разведке полной возможности добывать сведения о военно-экономическом потенциале и оборонной мощи стран социализма. Задача всех советских людей, работающих в своей области, состоит в том, чтобы эта возможность не стала действительностью. Высок бдительность советского народа — верный залог успеха в борьбе с космическими злодеями.

ДЕВУЧКА С ХАРАКТЕРОМ

Несколько лет назад Елизавета Алиссеевна Облытина, заслуженный тренер СССР, большой авторитет в художественной гимнастике, сказала Галине Павловой Горенковой, трену из Омска: «У тебя на руках будущая чемпионка, береги ее». Великие слова! И правда, сейчас эти слова пророческими — ведь речь шла о Галине Шугуровой, той самой Галине, которая владеет теперь многими громкими титулами.

Галина Павлова — воспитатель достаточно опытная, она и сама понимала, что ей предстоит трудная работа с гимнасткой бриллиантов, превращающего скромный, бесформенный камешек в сверкающую драгоценность. Но, вспоминая о трудном характере своей ученицы, она лишь тяжело вздохнула.

Знакомство Галины Шугуровой с художественной гимнастикой ничем не отличается от тысяч других знакомств с миром спорта: случайно попала на занятия секции детской спортивной, целый час простояла как зачарованная у двери и... Новенькая ничем не выделялась среди 40 воспитанниц Горенковой, разве что своим упрямством. Впрочем, упрямото очень и очень пригодилось: именно оно заставляло 11-летнюю девочку часами шпифовать сложнейшие комбинации. Все шло хорошо, но вдруг Галина провала. Оказывается, в одной из ребячьих игр, убегая от мальчишек, она взобралась на крышу двухэтажного дома. «Греспредседатели, конечно жив, полезли за ней, и тогда Галине, не раздумывая, прыгнули вниз. «Скорая помощь», больница... Оттуда девочка вышла через полгода и, как ни в чем не бывало, появилась в спортзале.

Между тем настало время самого трудного — хореографической программы. Галина разучила ее довольно успешно и стала первенствовать во всех городских соревнованиях. «Непобедимость» дала свои плоды: девочка зазналась. Спорт не любит зазнаек и очень быстро преподал Галине первый урок. На мусовых соревнованиях в Алматы Шугурова, не сомневающаяся в триумфе, оказалась далеко за чертой призеров.

Казалось бы, неудача, да еще какая. А Галина Павлова была довольна. Она считала, что это просвещения и является тем самым толчком, который окончательно сбросит с чистой, доброй души девочки резкость, несдержанность, заносчивость, которыми она, как пеленка, пыталась скрыть от окружающих свои жестокие недостатки.

Нелегким выдалось у нее детство. Двое тяжелобольных в семье — отец и младший брат Юрий. Все заботы о них на плечах матери и маленькой Галины. Каждый день, вернувшись из школы, Галина должна была переделать кучу дел, о которых и не слышала многие ее сверстницы, и лишь потом можно было бежать в спортклуб «Красная звезда», ставший для нее вторым домом. И так изо дня в день.

Весной прошлого года о Шугуровой заговорили всерьез: на первенстве страны в Ереване она выиграла три медали — две серебряные и одну бронзовую. Потом была Варна, чемпионат мира. Хрупкая, удивительно артистичная, она покорила всех своими высочайшей мастерством и грациозностью.

Судьи на этих чемпионатах (между прочим, из одного мужчины, только женщины) известны своей безжалостностью, строгостью, скрупулезной педантичностью. И вот именно они, разгневанные личностью, известием Галины, выводят ее на первые места за упражнения с мячом и скакалкой и на второе — в многоборье.

О, если бы они знали, что творилось у нее на душе, как она болелась и этого почета, и непрерывной публики, и строгих, непрощающих судей! Но характер (теперь у нее настоящий спортивный характер бойца, готового к любым трудностям) унял дрожь в руках, расцвятил лицо радостной улыбкой.

Закоренные скептики предсказывали Шугуровой близкий закат спортивной карьеры. Дескать, видывали мы не раз вспышки таких вот «звездочек». Но век их короток — промелькнула по небосклону и погасла... Я спросил у Галины, как она относится к таким вот пророчествам. Она по обыкновению своему промолчала, только свернула огромными карими глазами, и на ум, сам не знаю почему, пришла поговорка «на тихом омуте черти водятся».

Неделю спустя пришло сообщение из Вильнюса: 16-летняя девятиклассница 134-й омской школы Галина Шугурова стала абсолютной чемпионкой СССР 1970 года.

Галина Шугурова и Лариса Латынина...

Омская школьница, только начинающая свой путь в спорте, и бывшая херсонская школьница, единодушно признанная величайшей гимнасткой современности.

И хотя они — представительницы разных направлений гимнастики (Галина — художественной, а Лариса — спортивной), их встреча на этих страницах не случайна. «Сверстники мои научились держаться, улыбаясь и быстро становились первыми» — эти слова Латынина звучат для молодых спортсменов как наказ, как прогноз в будущее.

Не забуду день, когда гранной серо-зеленой лентой вкатились в наш белый породок Херсон Фабристеры котлонадзора. Быстро деловито зашумели они устье дома города, разменяли в их своих офицеров, штабы, канцелярии, коммандатуры. Чем была для них жажда аскетической чистоты порядка? Очередной пункт, где нужно было установить «новый порядок».

Вспоминая яркий, солнечный день, когда вели по главной улице в густо сохнувшей асфальтовой породе. Рыжеволосый мальчик, мешки меня ростом, выражали из колоны и побояли к нам, стоявшим на тротуаре.

Тетя, тетечка, возьмите меня к себе.

Я не успела сказать: «Возьмите, мама», — его уже выхватили руки опороженного меня. В ту ночь в густо расстелили всех. Этот мальчик был моим сверстником, а мне не исполнилось семи лет.

Таков был «новый порядок», что устанавливали тогда баллисты в Херсоне. Порядок, при котором конвоиры убивали на улицах пленных красноармейцев. Порядок, когда грабляли квартиры и даже на нашей небогатой коммуналке ухватились вынести скатерти и патефон. За все время «нового порядка» я прочувствовала в школе несколько месяцев, и главным предметом у нас был «новый бой». Затем школу заняли под коммандатуру, и мы, у кого еще сохранилась обувь, собирались в холловном подвале у старшей школы-театральной. Сюда вносили кто валяло ко дров, кто несколько картошек, кто лепешки, мало похоже на хлеб. Моим вкладом была чистая вода. Мы учились читать по-украински и по-русски. И старались забыть украинские слова команд и запрета.

Когда подходили последние дни «нового порядка» на Украине, я жила в деревне у дяди Вали. Уже были слышны орудийные раскаты с востока. И женщины, которых выгоняли под винтовками на берег реки рыть укрепления, многократно рассказывали, что из вилки за Днепром кричат ночью по-русски:

— Потерпите еще немного, гражданки. Красная Армия близко.

И мы не увидели, когда одним солнечным утром на своем на мелихановом поле, где мы играли (я больше искала сладковатые корни подорожника, потому что было голодно), к нам подошли советские солдаты. И кончился «новый порядок». И началась настоящая жизнь.

Войну и никогда не забуду. Ее не забудет никто из моего поколения. Теснота была принесла нам она, и нет среди моих сверстников ни одной, которую бы не опалили огнем военной грозы. Где-то в районе великой Сталинградской битвы, в земле, усеянной осколками и пропитанной пороховой гарью, похоронен мой отец.

В моем поколении, совсем юном тогда, война сказалась чужие дружные характеры на стали такого закала, что сверстники мои научились держать улыбку, и быстро становиться серьезными.

В последние годы мой город был все еще маленьким, хотя история у него — многовековая. Мы любили наш город, особенно весной и летом. Увеличив уловки характера в прутьях акаций и липах, их пышный запах сопровождал нас по полю. Лучшее место было тогда на Днепре и в его плавнях, на островах и в дельте сриак.

Здесь можно было собирать ежевику, можно было долго плыть по берегу, где проходила только одна лодка. Можно было, лежа в лодке, глядеть на дно, на причудливую игру теней на дне. Можно было купаться до синевы. А можно было просто лежать на горячем песке и мечтать. Там взрослыми, мы около нас смеялись над своими детскими и юношескими мечтами. А ведь если хорошенько разобраться, многое обобщается. Пусть не совсем так, как думаем в двенадцать, четырнадцать или шестнадцать. Пусть не в таких ослепительных красках, как когда-то в детстве. И юношеские мечты всегда красивые и яркие. Огонь такой мечты, какой бы феерической она ни казалась с годами, может светить своей яркостью.

У меня были мечты. Сейчас я не могу уже и сказать, в какой момент я отчетливо представляла себе огромную сцену и многоуровневый зал (видко, тогда я уже видела в кино Большую театр). И все эти многочисленные зал аллюдирует мне, тапущей на сцене — легко, уверенно, непринужденно. Я мечтала так, чтобы танцевать так, чтобы это нравилось людям.

И вот однажды мы узнали: в Диее народного творчества открылась студия хореографии. Она была организована на хореографских, коммерческих началах. В месяц надо было платить пятнадцать рублей. Тогда это было существенной частью зарплаты, танцевать мамкиной зарплаты. И все же мама, не задумываясь,

дала эти деньги. В те годы мама работала ночью истопником и уборщицей дома. Жить надо, да и не только наше, было трудное, но непоколебимый принцип: дочка должна воспитываться не хуже, чем у людей, — действовала при любых обстоятельствах. У меня же должно было действовать другое непоколебимое правило: учусь не хуже, чем другие дети. Поскольку здесь стандартных традций можно было бы найти немало, это правило конкретизировалось: учусь на пятерки.

Итак, наступил вечер, когда мы начали изучать великие премудрости древнего искусства балета. Нашим руководителем Николай Васильевич Стеесо казался нам прямым наследником Петипа, и мы часто недоумевали: почему он возмещ с нами в Херсоне, а не командует солистками и шеренгами кордебалета на сцене Москвы или Ленинграда.

Уже мы надели пунты, уже в белых пачках выступили на сцене, и мама похвалила строгую красоту танца маленьких лебедь. По великой протекции нашего руководителя мы попали на выступление гастролирующей у нас его один день великой тандемщицы Лелешинской. Тогда я впервые увидела то, что принято теперь называть «душевильным миром движений». Да, это было новым, прекрасным, ослепительным мир, и когда спектакль кончился, даже не верилось, что перенес нас туда один человек.

Концерт кончился поздно, но я не могла уйти, не увидев артистку. К счастью, было уже тепло, и мы (я и несколько знакомых девочек) могли спокойно дождаться ее у служебного входа. У нас не было денег, мы и не подозревали, что можно попросить автограф. Мы просто ждали.

Она вышла, и мы увидели ее нервные, утомленные ноги, перебинтованные ноги, руки, мы как бы заглянули за кулисы, проникнулись к таинству мастерства, ощутили, какой огромный труд стоит за ним. Через много лет я узнала, что Лелешинская сделала за выступлением гимнастки, и ей нравился мой волевые упражнения. И вот теперь я рада, что могу сказать, как много для меня значило ее выступление.

Вскоре наша студия закрывалась: на хвалено родилась новая. Руководитель наш поговорил с чертскими людьми, но нонимавших значения искусства. Затем пригласил меня и еще одну девочку, Ларису Дурь, продалась занятию в кружке, который он вел в одном из клу-

бов. Там мы попали в почти зарозумую клубную жизнь: нам «ставили номера», мы танцевали гопака на вечерах самодеятельности...

И все же это была не та атмосфера, что окружала нас раньше, и студия — и сами ее участники — тогда, чего же нам не хватало. Селось, с мыслями тренерской коллоквиум, мне легко заключить: мы потеряли перспективу...

Я рассталась с танцами, хотя приняла решение не самостоятельно. Рассталась нелегко и все же не очень трудно. А как же мечта? Нет, я не рассталась с ней. Ведь была у меня еще и гимнастика, и правильной было бы сказать не «еще», а «уже». Я понимаю, что мои попытки стать балериной мало кого волновали, а о гимнастике надо было сказать раньше. И все же в жизни это было именно так, как я рассказываю. Теперь пришло время сказать и о гимнастике и о моем первом тренере.

Я училась в четвертом классе и приходила в школу минут за двадцать до начала второй смены. Все эти минуты я простояла, прижавшись носом и губами к стекленной двери физкультурного зала. Там занимались гимнастикой старших классов. Однажды меня вызвал за плечи крепкий, коренастый человек и спокойно спросил:

— А что же это за штука, которая здесь все время дежурит? Я узнала учителя, который вел занятия в зале. Его звали Михаилом Афанасьевичем, он преподавал физкультуру в старших классах. Теперь оставалось набраться храбрости и прощнуться:

— Я Лариса Дирий из четвертого класса. Возьмите меня к себе заниматься.

— А где, где мала. Вот переходи в пятый, подрасти, и тогда приходи. В то лето я уехала в пионерский лагерь и не забывала каждый день прыгать и гнуться, чтобы obligation вырости. Закончился последний лагерная смена, и я вернулась в Херсон. Около школы встретил я Михаила Афанасьевича Стрелеченко и сразу же подбежала к нему.

— Вы меня обещали принять в гимнастику! Я Лариса Дирий из пятого класса.

Рав обещал — так прыгну — очень серьезно ответил мне Сотниченко.

К стыду своему, проведу тренировку я не помню. Зато помню, что первые соревнования по разряду Юношеское, которые проходили в зале педагогического института, я выиграла. И эта первая грамота у меня хранится до сих пор. Впрочем, тогда я не прядала ей никакого значения.

Гимнастика мне очень нравилась, как нравятся движения любому ребенку. Я привыкла лаять по деревьям и чердакам, подтягиваться на турнике, прыгать на препятствиях из труб, пробегать бегом по наменным параментам и прыгать со скакалочкой.

...Девочка прыгнула со скакалочкой и подпрыгнула сразу на два лет вперед, сказал какой-то пот. Такого волшебства не случилось.

...Каждый день я повторяла то же самое на один день вперед.

В окончании моей танцевальной карьеры решающую роль сыграло то, что параллельно, казалось бы, зашла в жизнь и гимнастическая все же стремительно...

— Вросте вы, Лариса, гимнастика — она вас отругит, закрепостит мышцы, и вообще это не искусство, разве что к цирку ходить, — говорил мне, картинно заламывая руки, Николай Васильевич Стеесо.

— Брось, Лора, свой гопак, — сердито говорил Михаил Афанасьевич. — Это не искусство, это только мешает спорту. А в гимнастике у тебя что-то стало получаться.

Что-то получилось и с гопком. Но я верила Михаилу Афанасьевичу. Детство и юность быстро улавливают фальшь и правду. А каждое слово моего первого тренера, школьного учителя, всегда было правдой.

Основным делом Михаила Афанасьевича была школа. Он приходил до начала уроков и вместе с преподавателями физкультуры и гимнастики высаживал кусты и деревья на пришкольном участке, доставал бревна для спортивного городка, выдумывал конструкции снарядов, руководил с младшими гимнастками. Уроки во всех старших классах и тренировал их, гимнасток.

По субботам он вымывал нас на обязательные субботники и отдавать нельзя, никакие смелки, даже на воскресные соревнования, не принимались. А во воскресенье он бывал с нами на этих соревнованиях, и мы с ним соревновались, что школьные дела мои идут хорошо, он совал мне деньги и говорил откровенно и быстро: «Сходи в кино». Всегда в дамочках, открытые, все слова и поступки на глазах у всех. Так разве могла я не поверить такому человеку?

Гимнастика все увереннее входила в мою жизнь и непримотом начала требовать все больше и больше.

В день полдника ровно на день вперед до той горы, пока, как сказала учительница, «что-то стало получаться», однажды он сказал маме, ставшей его верным союзником в борьбе против гопака: «Может быть, Лора станет и мастером».

В дни когда были сказаны эти слова, я провизгала вверх по лестнице разрядов. Тогда-то я и приобрела тот солидный запас силы, выносливости, скорости, которого мне хватало на многие годы. «Как ты накачала руки?» — не раз спрашивали меня потом подруги по команде. И я смеялась: «Вы с кривыми ногами не можете себе представить, я думаю, с левой или с правой ноги вставать, каждое утро сползала с высокой кровати, упираюсь руками в пол, и отжималась без помощи».

Не знаю, обоснованы ли теоретически Михаил Афанасьевич принцип многоборной подготовки, но я всегда много бегала (от спринтерских дистанций до марафона, от прыжков на кроссах), плавала в Днепре, грела на лодке, играла в волейбол. Я никогда не слышала от своего тренера — что может помешать гимнастке.

В 1949 году я выиграла второй разряд, и началась моя «взлетка»

РОЖДЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

— Что это ты несешь? — строго спросила Гусенца. — Ты в своем уме? — Не знаю, — сказала Алиса. — Должно быть, в чужом.

Льюис Керрол
«Алиса в стране чудес»

Многое удивительное в жизни начинается с детство. В данном случае — в детстве в Англии. За все недолгое своего пребывания в Нью-Йорке Рослов и Шпагин познакомились с ней только перед отъездом. Конечно, они слышали, что Нью-Йоркская антега — это не совсем антега, или, вернее, совсем не антега, а нечто вроде забавного, где можно получить все виды спиртного, закупив их при желании консервированными сосисками или яичницей с ветчиной. Именно так все и оказалось. Стеклопильный шкафчик с платоновскими ледяшками заслонил с одной стороны два киноавтомата, в которые, опустив монетку, можно было посмотреть нечто вроде стриптиза, а с другой — киоск с комиксами, детективами и прелестными обложками журналов с портретами полутолых дев. Все остальное пространство «антеги» занимала стойка с импортной в нее электророзетки, стояла с пестрым фасадом бутылки и несколько никем не занятых столиков. Единственный посетитель у стойки лениво сосал виски, даже не обернувшись при уходе еще двух таких же, как он, чудаков. Рослов и Шпагин увидели только его спину в зашнурованной курточке, настолько широкую, что казалась, курточка натянута на дверь, а не на обычные человеческие плечи.

Турист, проживший неделю в Нью-Йорке и не загладивший при этом с симпатичного учреждения под названием «Драг-сод» — палатки, конечно, из ряда во выходящее. Но Рослов и Шпагин были не туристами, а участниками симпозиума математиков и биологов, кровно заинтересованных в проблемах биологической радиосвязи, а точнее, в поисках физико-химических мостов, соединяющих биологические процессы, происходящие в действительности механизмом информации и мышления. На знакомство с городом у них просто не хватало времени, а сейчас, когда симпозиум уже закончился, об этом предстояла еще одна интересная командировка: их пригласил в Лондон поработать в его лаборатории профессор Сайрус Мак-Курри, глава новой английской математической школы и, как говорили в кулуарах симпозиума, звезда первой величины на небосклоне мировой кибернетики. Английский ученый просил подождать его недельку: ему предстояло прочитать несколько лекций в Колумбийском университете.

— А красиво она улыбается, — сладко вздохнул Рослов.

— Кто? — спросил Шпагин.

— Рослов не ответил. Шпагин недоуменно оглядел зад и снова спросил:

— Ты думаешь, она нам улыбается? В дверях на ступеньках обитой плюшевым лесенки стояла девушка — красивый мак на псе-

чаных днах: светло-соломенное волосос и такого же цвета губы и красная кофточка. Зрительная ассоциация тотчас же подсказала Рослову, что сравнение это вторично: он вспоминал шипот на скамьях симпозиума, когда эта же девушка поднималась на кафедру.

— Она нам улыбается, — сказала Рослов.

— Шпагин опять не понял:

— Ты не можешь водить машину и изучать мышление. У тебя слишком замедленные реакции. Попробуй ассоциативные связи. Кто делал сообщение о поисках мышления на основе виртуальных и реальных мезонов?

— Инна Желенская, — Шпагин хлопнул себя по губе. — Я только сейчас ее узнал. А докладчик так себе: шаг вперед — два назад.

— По-моему, она идет к нам, — сказала Рослов.

— Девушка не спеша приближалась к их дальнему столику, необычная и чужая в эдземном дыму в сумеречности.

— Если я присяду к вашему столику, шапоне не будут сердиться? — спросила она на чисто московском диалекте с еле заметным польским акцентом.

Рослов мгновенно нахмурился.

— Будет светлится, лави Желенская. Инна, если ни ошибаюсь? А может, просто Яна?

— Давайте просто.

Девушка присела к столу непринужденно и уверенно. Тут уже любопытство двух докторов науки пришло, как говорит математик, экстраординарный характер. Откуда она знает русский язык?

— Специально училась? Что делает в Варшаве? Почему оказалась в этой «антежке»?

— Русский язык знаю, потому что училась в Москве. Сперва на мехмате, потом трудилась в НИИ. Неможно работала у Каммингса в Рокленде — уже варшавские командировали. Интересовалась теорией регулирования в применении к патологическим отклонениям человеческой психики. Видите, куда забурются кибернетики. А сюда заглянула, потому что увидела вас — запомнила по кулуарам симпозиума.

Она смеялась, а Рослов всматривался, прищурив, в стрелки смешаннок-морщиню у глаз, потом громко и обрадованно вздохнул.

— Вспомнил.

— Давно пора. Кажется, я вас называла Анджей, да?

— Да-да. На курсовой вечеринке после КВН. А смеялись вы точно так же.

— Боже мой, десять лет назад! Я уже стала старухой.

— Чаше смотрите в зеркало. Вот я, например, даже не помню, была ли у меня тогда борода.

— А почему вас друг молчит? — мгновенно переменяла тему полька.

— Потому что он не с мехмата, а биолог молчал, потому что боится разучиться думать. Знаете сказку о сороконожке?

— Я тоже почти биолог.

— Вроде меня. Я математик, пришедший в биологию, а Семин биолог, потянувшийся к математике. Братья-ученые, в нашей судьбе еще что-то роковое.

Наконец-то Шпагин получил возможность присутствовать в наступившую паузу. Реплика Рослова открыла дверь в мир близких ему интересов.

— Я не совсем согласен с вашим предположением о роде виртуальных мезонов, — робко начал он, смотря в глаза.

Рослов поспежал станом по пластмассовой доске столика.

— Симпозиум окончен, друзья-математик. Спирточкой на мыло, — он обернулся к бармену. — Еще три сода-виски.

— Без меня, — сказала Янина.

— И вы не выплете за наш праздник? Мы с Семенов едем в Лондон к старуке Сайрус.

— Подождем, удавай. Я тоже еду.

— К Мак-Керри?

— Конечно. Я третья. Потому и зашла сюда, чтобы договориться с попутчиками.

Рослов не успел ответить. Стоявший спиной к ним человек в зашнурованной курточке обернулся и пошел к их столику. Уже немолодой, лет пятидесяти мужчина с проседью, почти незаметной на запыленных или выгоревших волосах и с медно-красным загаром блядиной от долготы пребывания под южным солнцем. Он походил не то на бывшего футболиста-профессионала, и то на гоночника, вышедшего в тираж. «Пшя», — подумал Рослов, — не держится. Опыт. Невозможно шел твердо, не шаркал, даже слишком твердо, как человек, научившийся преодолевать объяснение, а пододвиг, спрашивал:

— А по-английски вы говорите?

— Допустим, — сказал Рослов. — А что вас интересует? Наша национальность?

— Не, вы не русские, а догадаться сразу. По знакомым словам: вышнем, братья, праздник.

— Он повторил их по-русски. — Я слышал их еще в дни встречи на Ольбе. Не гугайтесь, и не намере отвлечь вас воспоминаниями о столе древних для вас времена. Вы люди ученые, видел ваши портреты в газете. Может быть, поэтому вы сумеете ответить мне на один мучительный для меня вопрос: может ли мощное магнитное поле как-то воздействовать на психику человека?

— Станутея палка — настолько странным и неожиданным оказался нашим друзьям этот вопрос. Элементарный по сути, он был задан в явно неподходящий обстановке и явно неподходящим для этого человеком. Но Шпагин был великим человеком.

— Вопрос о воздействии магнитного поля на все живое уже давно не вызывает сомнений, — сказал он. — Все зависит от природы магнитного поля, от его мощности и направленности, от магнитной индукции, наконец, ну, как бы там

Сиропедный вариант.

Рисунок Геннадия НОВОМИЛОВА.

20529

схватить полярников, от сил, с которой магнитное поле действует на движущийся в нем электрический заряд.

— Я когда-то учился в колледже,— откликнулся незнакомец,— кое-что помню. К сожалению, природа поля мне самому неясна. Но мощность колоссальна. При всем том это не электромагнит и не какая-нибудь машина. Тут что-то другое в самом воздухе. Большие стальные или железные массы оно отнимывает, как тешный магнит, а то, что попадает в его пределы в багаже или в карманах людей, мгновенно намагничивается и притягивается друг к другу.

— Любопытно,— сказала равнодушно Росков. Незнакомец предупредительно поднял руку: не торопитесь, погодя.

— Меня занимает другое,— продолжал он.— Это удивительное магнитное поле преобразует людей. Они или видят силы наяву, странные, тревожные и очень реальные силы, или сходят с ума, переживает припадки подавляющей сознание ярости или страха, или теряют ощущение личности, представляют себя кем-то другим, говорят на языках или незнакомых и даже не слышанных ранее. Выгляды из пределов поля, люди становятся самими собой, припадки проходят, сознание и память проясняются, даже голова не болит.

Росков заинтересованно подмигнула Янине.

— Заметно, правда? Как раз для старого Сайруса. По его департаменту,— сказал он по-русски.

— В чем-то переключается и с опытами Каммингса в Роквельдской больнице, когда мы изучали степень инстинктивной восприимчивости на расстоянии,— ответила девушка.— Только здесь все непонятно. Где индуктор? Почему различные реакции? Динамичность ферромагнитных металлов может найти свое объяснение хотя бы в характере магнитного поля. Но оно ли является источником гипнопередачи? А если эта связь не биологическая? Вы нас простите,— обратилась она к незнакомцу,— нас крайне заинтересовала ваша рассказ, и мы по привычке заговорили на своем языке.

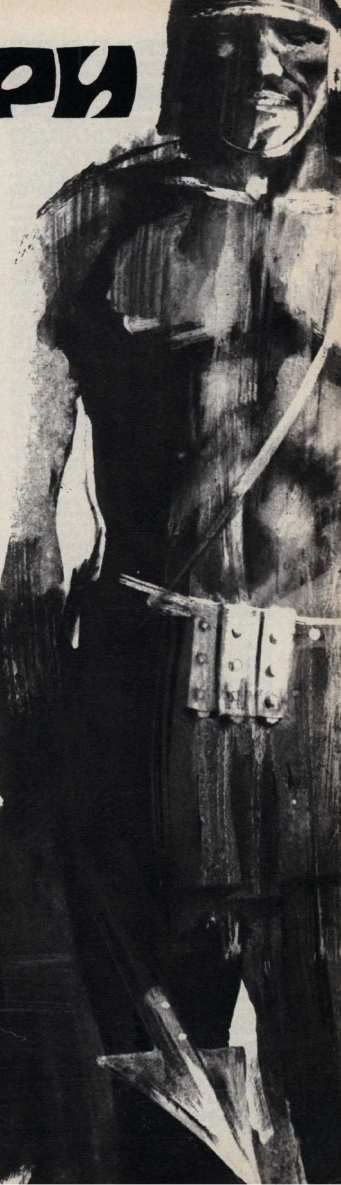
— У вас есть время?— спросил незнакомец.— Тогда слушайте.

Привидения Белого острова

— Я Роберт Смайлс, короче Боб Смайлс, еще короче просто Боб, коренной янки из Бруклина. Миллионеры там не рождаются, в колледжах недоучиваются, а когда война на носу — идут и не вальдиют. Вернулся в Штаты — сразу поля, что толкнуло недоуток в рай джоржа балагана. Занялся мелким сервисом, стоял у прилавка,

суставился в рекламных агентствах, а в суте и жениться не успел, благо болушек у нас немного, а прищев нет. За последние годы осел в Гамильтоне на Вермудтах курортным агентом и преуспел. Не в курортных делах, конечно: турристов там и без рекламных до черта. Правда, только на больших островах, где отели и пляжи, как в Лонг-Бич или в Майами. Но ведь Вермуды — это и сотни крохотных островков, в большинстве необитаемых, а Робинзоны там не садятся: почва — болной коралл, который не возмещает ни лангата, ни лугутом, а поробуется бур или отбойный молоток. Только птиц там, а помета еще больше. Вот я и пристроил в аренду один такой островок португальским торговцам удобрениями, потом — другой, наконец, открыл бюро и стал бизнесменом. Вы уже скажете? Погодите, скуку сразу смоем как штурмом.

Одно из моих предприятий — это поиски кладов. Собственно, я искал не кладки, а другие, которые их ищут. Из школьной истории даже вы знаете, что весь шестнадцатый век морские пираты очищали здесь испанские галеоны с перуанским золотом и заваливали его где-нибудь поблизости в тайных бухточках и робинзонских угодках. Лично я в эти кладки не верю — их давно выкопали и растрачали, но дух Стювенсона, должно быть, все еще витает в колледжах Старого и Нового света, и каждый сезон в гостиницах Гамильтона появляются кладонскатели. Я уже приобрел к этому времени репутацию старожилки и знатока, и в моем деловом списке было до двух десятков таких «островов сокровищ», куда можно было добраться на катере или яхте, набитых самым пароконным или вертолетом, в зависимости от средств кладонскательной экспедиции. Там можно было хорошо закусить в тени таварианда, вскопать богатой десятидюймовый слой почвы где-нибудь в бамбуко-

вых зарослей, попарить во мху мех коряжками лапшой или позадирывать лоском заросли ризофоров, и добравшись до белого, как сахар, коралла, мужественно залезать, как Скотт, удерживая ноги в ветрах. Амузуровы. Иногда мы должны коралл буром, разрывая чашкой, но ящики с испанским золотом так и оставались мечтой одержанных и дураков.

Но был один остров, который в списке не значился. Белый остров, как он именовался на карте английской колониальной администрации, или Чертов остров, как его называли туземцы. Дойти до него можно было за несколько часов при легкой ветре на парусной лодке, и все же я не предпринял ни. Во-первых, это даже не остров, а риф, кусок отшлифованного океаном коралла без клочка земли и единой травинки, плоская скала, выходящая из воды, захлестывающей его даже во время не очень высокой волны. Спрятать так что-либо или зарыть было бы неосторожно и трудно, если только флюбитурсы шестнадцатого века не знали кулуарных и бетонных шахт. Но и забегал его и по другой причине. Каюсы, а севернее дельта. А об этом острове ходили, можно сказать, самые заветные слухи. Прежде всего то, что уже достоверно известно, что произошло именно на этом острове не мог пройти непосредственно над островом на небольшой высоте — его отводило в сторону или сильное воздушное течение, или грозовой фронт, или смерч, или мое магнитное поле. На один вертолет не мог опуститься на этом природном аэродроме, ни один катер или какое-либо другое судно с мотором или металлическим покрытием даже на несколько ярдов могли провалиться в этом белому рифу. Приезжавшие в Гамильтон ученые объясняли это сильными магнитными бурями, мощностью возникающего над островом магнитного поля, но почему оно возникает, почему именно этого района, никто так и не понял.

Меня не это отпугивало, сами понимаете — наука наукой, а колдовство колдовством. Я много рассказывал о нем, но никто не интересовался на остров одну компанию кландестей. Чаще всего — легенду, превратившую английского белый риф в черное пятно Аида. Легенда утверждала, что клад в этом месте есть, но зарыл его не кто-то из людей самого Финча, а зарыл, похоронил и перебил друг друга, пока последнего недорезанного не смыла разбульнувшая по острову морская волна. Рассказывал, что бог и не захотел даже прикасаться к рифу, ни в ад. С той поры они и торчат на острове, охраняя свой бесполезный клад, и никому не позволено встретиться с ним — ни человеку, ни зверю, ни птице, даже рыба не заплывает в бухту и не ловится в ближайших водах. А если все же попадет сюда человек — скажем, буря приведет, в лодке хоть и парус сорвал — были такие случаи, только плохо они кончались. Смельчак сойдя с ума от ярости, глотит друг друга реваля или в океан ныряет, если же не вынырнуть, а если и дожили до спасательной шлюпки, то попадают прямоком в психиатрическую лечебницу, благо их в Гамильтоне не несколько — я городскую знаю и две частные. До сих пор у доктора Керна стучит гайки в саду псих не псих, а вроде чокнутых. В разговор не вступает до тех пор, пока не услышишь, что они ушли: белые смн навью, являясь с покойниками, разговор с богом в духе Дугара По. Есть еще полицейский в отставке — не то Смит, не то Смитс, — двое суток на острове похитил и рассказывает об этом не так, как только избранным.

В конце концов и я рискнул: обзавелся предложением четырех гарвардских студентов-выпускников. Все люди со средствами, сытые богачи, которые دهند мне гарантию в миллион. Ну, взяли рыбацкую лодку, лопаты и кирки из меди, а на опасных металлах только ножи да жестиачки с колбасой и лимон. Даже пакули на медь колбаски, чтобы не окислялись. Но, конечно, не нашла, остров поджалева. Представте себе ровный сер, белый, как сахар, но не зернистый, а глянцевитый, как глазури на торте — ни трещинки, ни щелочек. Пробыль несколько кораллов, но не могла обнаружить слово расплавленное стекло с мелом. Торчит из воды такая белый тень, и гуляют по нему волны — только над бухточкой сухо: срез колы, белая волна не доходит до берега, но обретенного к дальнему американскому берегу. Пришвартовали мы в бухточке недобудой

и крохотной — не то джунгли, не то заливчик в белой скале, словно одно рог, как рыба, разинула. А когда позавтракали и прилегли в палатке, тут-то все и началось. Я даже глаза не закрывал — так было жарко и душно. Мы сидели на полу. Просты и палатка, и четверо парней на Гарварда, и наше искусство, свезенное на остров, — все это исчезло, как унесенное ветром. Остров стал пустым, как и в пустыне, и только в тумане на море шле. И я не лежал, а сидел на корточках в рижей широколобой шляпе и длинных красных чулках, запрокинутых в равные коричневые штаны. Я лежал на спине, а в голове, как бы в железном грду, перескакивало, недавно зарубившаяся черной. Я сморгал глаза и увидел кусок наполовину приям, наполовину седой борозды, провел рукой по лицу: волосы курчавились, но не тряслись, как раньше, и напысь с нелепой оборотой из ветхих, выцветших кружев. Вместо добротных бруклинских штиблет на дюймовом каучуке на ногах болтались стоптанные шлепанцы с прищипками, но без каблук. Океанский мирок на белой амиле рифа стоял темный, обведенный медью свдудек с огромным ясным замком, каких уже не делают для людей ни десяти. Я, Боб Смайли, был уже кем-то другим, кем-то другим, кем-то другим, кем-то другим, и чужим лицом, на котором к тому же не было одного глаза. Вместо моего пальца нащупали повязку, сплзнувшую из-под шляпы. Я растерянно похлопал по горлоу и услышал позвон хот, похожий на раковину.

Пять или шесть бородачей в живописном равнине, пропеченные солнцем, в пестрых повязках на головах, а двое в тапках же, как у меня, сидели, похлопывая на языках пылинки зрелищного маскарада, подымались на берег по сколкому обрыву из бухточки, отгряхивая с бород безула, как пудра, пль.

Вылез Крафт. Ноты опять забыл, что у него остался всего один глаз, — пропалмак ближайший ко мне бородач — у него были выбиты зубы. — Смотри, одноклассай, а ты и второй потерял.

Смайли не вынырнул, прохрипел не прохрипел, только голос мой не был голосом Боба Смайли, и шарынул нож в говорошиню. Но пошла почему-то в судный закон. Ноты звякнул и упал в неку, как приколоченный. Смайли не принимавший участия в соре детства с темной голландской бородой. — Мы не вкопшем здесь и двух футов. Остров проклят, пора уходить. Смайли не вынырнул, прохрипел не прохрипел. На что именно, я не увидел — только нота нащупала нечто невидимое. Я молча выгнулся и тронул это нечто рукой. Пальцы обнаружили лопату, широкую медную лопату, которую мы, а не ги опереточные бородачи привезли сюда для противодействия магнитным бурям. Я не удивился чуду невидимости — пробст Боб Смайли во мне вспомнил о динамических свойствах лопаты и, не видя, на опыту поднул ее, а потом не задумываясь и не анализируя своих действий, вывел да приложил ее к чужой лодке, даже забыв при этом снять шляпу. Но медная лопата не была ни лопатой, ни киркой, ни молотком, и прохладно коснулась аба. В ту же секунду я увидел и лопату и рукав своей белой рубашки, рубашки Боба Смайли, а бородачи и свдудек мещани.

Я вынырнул в палатке возле прибывших со мной парней и не узнавал их. Никто не видел меня, да и друг друга, пожалуй, их мутные, словно стеклянные глаза настораживали и даже пугали.

— Снес их в лодку, — услышал я. — Разные люди реагируют по-разному в одинаковых обстоятельствах. Лопата оказалась забавным испытанием на сообразительность. Брюсь ее — она не выдерживает. Кто это сказал? А так и не понял, словно кто-то во мне, потому что, кроме очумевших ребят, никого другого не было. Рамежные бородачи вместе со своим свдудком беседовали и смеялись в солонку, а я так и не понял, что это было. — «Кем?» — спросил я мысленно. «Не поймешь». «А они кто?» «Привидения, которых вы так боитесь». «А свдудки?» «Клад, который вы ищете». «Знаете ли вы, где он?» Нет, его смгла volna вместе с твоим скелетом.

Весь этот разговор промелькнул в моем сознании, как диалог из прозаичной книги. Могу же я так и стоять, и слышать, и видеть, и подкаивать в спомин; «Снес их в лодку». Лодка все еще стояла в центре прозрачной бухточ-

ки, а стоять в нее не сопротивлявшихся жившей было не столь уж трудно, тем более, что они сразу пришли в себя, как только погрузили в воду. Внезапно сумасшествие, если только это было не шутка. Чуть слышно с послесловия лодная бол. Ребята рассказали о своих знатных наду: один был футбольным мячом в мате двух американских колледжей, другой — счастливой мезальян, как он выражался, оптимальный вариант перитрета на языке математических формул. Парень был филологом, о том, что такое перитрет, и понятия не имел, да и в дерзкомучивших формулах еще в школе не читал. Что случится с послесловием, можно было только предположить: аб ничего не помнили, кроме блаженного состояния иррианы, что свойственно, как известно, только людям с высоким интеллектом.

Боб Смайли допал веник и замочил. Молчи и его слушатели. Только Росло, лодкума, сказал по-русски: — Мени, пожалуй, больше всего заинтересовал «Итоговый» вариант перитрета. — И то, что его высчитывал филолог, — добавил Смайли.

Ирина посмотрела на американца. — Это что, вы тоже закончили? — Подчитай, наверно. А может, придулма. — С какой целью? Спровоцировать? — Не похоже на провокацию, — сказал Шпагина. Не понимаю, куда вы хотите и магнетизм бурн. Их выворачивает. Что за супермудрость, какова его природа, организация, сфера действия? Где он находится? В атмосфере? В воде? В коралловой толще острова? Биологический или химический?

Смайли перебрал размышления Шпагина: — Заинтересовались, — сказал он утвердительно, словно и не предполагая иной реакции. В принципе, же, мне не нужно: я так давно навел справки. Сайрус Мак-Керри не будет приглашать невежд и авантюристов. У вас есть время, средства и английские языки. Почему бы вам по дороге в Лондон не загнать из Лондона? У меня есть предчувствие большого открытия.

Обед у губернатора

В шестиместном «седане», как называют этот тип закрытого кузова, Рослов ехал рядом с мной. Из выворачивала, изворачивала, изворачивала в ветровом стекле автомобиля.

Еще Марк Твен, как-то захваченный на Бермуды, воспеивал белую коралловую обочонку обочонку и города. Шестидесятилетняя корочка почва позволила им украситься зеленым кедром и тамаридами, неистощимым буйством цветов и трав, ухоженностью банановых и пальмовых насаждений. Но земля только расплывалась белую лану коралла. Дома из коралла, белые коралловые дороги в белом коралловом грунте, крыши и дворики из белых коралловых плит — все это сохранилось и поныне, лишь кое-где уступила место вырубке геометрических плитов из стекла и бетона.

— Что, нравится? — спросил заметивший настроение своего спутника Смайли.

Рослов промолчал. Пока они ехали только город, да и то на очень оживленной, которую им поселил тотчас же по прибытии в отель. Даже выкулаться в океане не удалось: переговоры с кем-то по телефону, Смайли объяснил им о приключениях обеда у губернатора. Сер Грегори Келленжам ожидал их всех у себя в загородной резиденции. Он не боровал своим вниманием даже очень богатых европейских и американских туристов, но советских туристов, еще в такой высокой международной репутацией, он избрался принять с викторианским гостеприимством. Этого требовала не только дипломатия, в которой сер Грегори был искусен еще со времени своей службы в Лондоне, но и инстинкт индустриального дела, но и простой человеческий интерес к новому для него типу людей. Поэтому, кроме двух русских и одной польки, к обедам оживались бывшие дядя губернаторы: директор государственной службы, министр обороны англичанской церкви и начальник полиции острова, все не менее лорда Келленжам заинтересованные в знакомстве с гостями из Москвы и Варшавы. Лондонская индустрия индустриального дела, но и простой человеческий интерес к новому для него типу людей. Поэтому, кроме двух русских и одной польки, к обедам оживались бывшие дядя губернаторы: директор государственной службы, министр обороны англичанской церкви и начальник полиции острова, все не менее лорда Келленжам заинтересованные в знакомстве с гостями из Москвы и Варшавы. Лондонская индустрия индустриального дела, но и простой человеческий интерес к новому для него типу людей. Поэтому, кроме двух русских и одной польки, к обедам оживались бывшие дядя губернаторы: директор государственной службы, министр обороны англичанской церкви и начальник полиции острова, все не менее лорда Келленжам заинтересованные в знакомстве с гостями из Москвы и Варшавы.

наиболее для них желательный. «Сразу возьмем быка за рога», — поощрял Смайл.

Он имел в виду поездку на Чертов остров, но ошибся в расчете: разговор с Росолом долго не позволил перейти к важной теме. С легкой руки Смайл сдержанности не обнаружил: из молчаливого молчаливого англичанина с заметной военной выправкой и чести-то наименованием Росолов доктор Уотсона с иллюстриацией к рассказам о Шерлоке Холмсе. Давне тебе чопорности и присущей приличиям сдержанности не обнаружил: из молчаливого молчаливого англичанина с заметной военной выправкой и чести-то наименованием Росолов доктор Уотсона с иллюстриацией к рассказам о Шерлоке Холмсе. Давне тебе чопорности и присущей приличиям сдержанности не обнаружил: из молчаливого молчаливого англичанина с заметной военной выправкой и чести-то наименованием Росолов доктор Уотсона с иллюстриацией к рассказам о Шерлоке Холмсе. Давне тебе чопорности и присущей приличиям сдержанности не обнаружил: из молчаливого молчаливого англичанина с заметной военной выправкой и чести-то наименованием Росолов доктор Уотсона с иллюстриацией к рассказам о Шерлоке Холмсе.

— Скажите лучше, тревог и огорчений, — вздохнул тот. — Приходится иметь дело не только с профессионалами, но и с богатыми туристами, которые выставляют непомерные требования. И где только не прачут эти шакости! В сухих чашках и электробритвах, сигаретных пачках и сигарных коробках, в специально обработанных пухотках внутри школьных плеток и в замаскированной парфюмерии. Не перечислять. — Вы пробовали? — заинтересовался Янина. — Мне уже сорок девять, мисс, и у меня трое детей. Но жертв и adesso много.

Смайл тотчас же воспользовался паузой. — Вы сейчас еще не верны? — В княжике у доктора Керна. — У того, где стражи гаюв человек, говорящий с богом? — лукаво спросил Смайл.

Яниско поморщился. — Судящие есть веде. Бермуды не исклочение.

В ответ последовала неожиданная и не без хитрости реплика директора географического клуба.

— И не перестаю удивляться, почему его пресловутые не используют этот случай во славу христианской религии. Чудеса на Бермудах! Даже в Ватикане позволяют от зависти. Ведь Коркилла может предвидеть меду и второе чудо Христа. Барис считает Христа мифом, сочинения евангелистов — аллюриками, а доносение Пилата о казни Христа императору Тиберию — легендарной, сочиненной столетия спустя. Он даже не верит существованию таких историков, как Халит и Сатоний.

Смайл, которого вопрос о существовании Христа интересовал едва ли более, чем деликатного губернатора, перебил ениско:

— Креста, а о черт, вернее, Чертов остров. Не кажется ли вам, Коркилла, что там могли обосноваться торговцы наркотиками? Использую рассказы о привидениях и страхи местных жителей, можно легко устроить в породах вокруг рифа нечто вроде склада или отстойной базы. Может быть, и галлоциания вызывала какой-нибудь наркотик, испаряясь или как-то иначе отравляя воздух?

— После вашей экскурссии мы два раза буквально обданы остров, — сказал Коркилла. — Кроме ядовитых жидкостей водок не находили нигде ни одной неровности, углубления или хотя бы трещинки! Сплошное белое отполированное стекло.

— Почему вы не обращались к специалистам для выяснения всех этих странностей? — спросил Уотсона Росолов. У вас же международный курорт. Приезжают, вероятно, ученые не только из Англии.

Сер Грегори ответил не сразу. — Я понимаю это ваше «не только». Британцы больше, чем кому-либо, свойственны осторожностью и сдержанности. Это относится и к ученым. Мы пробывали рассылать все-кому о некоторых странностях острова, но или выбор адресатов был неудачен, или расскажики не сумели передать главное — достоверность рассказов, но особого интереса к нему, отдаленная информация, не привлекла.

Смодоступил Росолов: в пору, мол! И Росолов сделал первый дипломатический ход. — Надеюсь, что сер Грегори и никто из присутствующих, — сказал он, — не будут возражать против нашей малой группы на этот остров. Вреда мы не принесем, а возможно, и объяснить кое-что сумеем, и странности перестанут быть странностями.

— К тому же мы ничего не возьмем с собой, кроме дипломатических шлемов, алапанских вестников Смайл в Нью-Йорке, — прибавил Шпагин. — Две фотоаппараты оставим в Гостинице. — Если бесполезно, — усмехнулся Коркилла. — Все равно ни одного снимка не сделате.

Несмотря на предостережения Росолова. Соединение губернатора и начальника полиции открыло зеленую улицу кораблям аргонатов.

Синий и Голгофа

— В начале бе слово и слово бе к богу и бог бе слово, — сказал с пафосом Паррот.

— Ты что, вмешиваешься в веру? — спросил Смайл.

— Выблю, капитан.

— Типично религиозное помешательство, — шепнул доктор Керн Росолову.

Но Паррот даже не взглянул на них.

— В Синайской пустыне, капитан. Был вечер и было утро: день шестой.

— Он знает наизусть все Пятикнижие, но цитирует его только тогда, когда упоминают о его творении. В остальном он совершенно популярен, — снова шепнул Керн, и опять Паррот не услышал или не захотел услышать.

Росолов видел перед собой совершенно нормального человека. Смотрел он ясно и вдумчиво, говорил кратко и разумно. Только когда он цитировал Библию, его хрипящий, глухой голос вдруг подымался до пронзительного пафоса. На Росолова и Керна он по-прежнему не обращал никакого внимания.

Встреча же состоялась в саду частной клиники доктора Керна в ведерной рощице на холмистых нагорьях за городом. Росолов поехал туда вместе со Смайл, а Шпагин с Яниной отправились в сопровождении Коркилла ввестить оставшегося положительного ученого Смайта.

Керна нашли в саду отдыхающим после очередного утреннего обхода больных. Прочитав записку губернатора, сухохвато пожелал англичанин с любовью смотреть на Смайл.

— В Москву, в Москву человека из Москвы, — улыбнулся он. — Не из штаба Айдаю, а из России. Впрочем, по вашей борде вас можно принять за американца, скажем, с его-западом, в Техасе или Калифорнии. Хотя бордо сейчас в моде не только в Америке.

— Даже в Москве, — сказал Росолов.

Керн помахал перед ним губернаторской запиской. Подчеркнул и многозначительно.

— А знаете, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам? — Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

— Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам? — Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

Подождал седой, лохматый старик, ничем, ничем, и не из черной, и не из белой, и не из розовой на Росолова. Только затормозил лицо его без морщин и отеклов свидетельствовало о том, что седина обманывает.

— Чем вас угодио, до? — спросил он.

— Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

— Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

— Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

— Паррот, о чем я подумал, читая это письмо? Вы хотите видеть Паррота? У него была точно такая же борда. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли. А сейчас вы увидите своего дедушку. Сколько вам?

— Для местных жителей любой искатель кладов всегда капитан.

А Смайл и не думал отрицать своего «капитанства».

— Вот отличие, Паррот, — сказал он. — Память у тебя ловкая. Вспоминаю-ка еще раз свой разговор с богом.

Тут Росолов и увидел, как седой рабочий-садовник вдруг превратился в библиейского проповедника. Не только восторженно и истосичливо приостановил извержение цитат.

— Библию я тоже читал, Паррот. Все ясно. Синай, пустыня, гора. Ты вмешался главу богу, как Моисей. Откуда?

— С неб.

— Громко?

— Нет. Глас божий отзывался во мне самом. В душе.

— С чего началось?

— С прикая. И я вдруг услышал: «Стой на месте, не млеешь. Все мы одинаковы — ищите клад, которого нет. И какой одинаково ничтожный у каждого запас накопленной информации».

— Стой! — закричал Росолов. — Он не может так говорить, Смайл. Это не язык садника. Он не понимает, что говорит. Спросите его: то ли он говорит, что услышал?

Паррот стоял строгий и каменный, не слушая Смайл.

— Ты повторяешь в точности то, что слышал? — повтори Смайл вопрос Росолова.

— От слова до слова, капитан. Мало понял, но ничего не забыл. Разбудите ночью — повторю, не сбавляя.

— Откуда ты знаешь, что с тобой говорил именно бо? Может быть, тебе это только послышалось?

— Я спросил его: «Ты ли это, господи, озвонив». Он ответил: «Все вы задаете один и тот же вопрос. И никто даже не может правды. Я был тобой и знаю твои мысли, и твой страх, и гнев, и все, что кажется тебе счастьем. Смотри».

И я увидел стол, как в харчевне старика Токкина, большой стол и много едо. «Виль, виль, радуйся», — сказал бо, — ведь это и есть твоё счастье». И я ел, отведывая от каждого блюда и записывая имя, в салы вокруг стола хмельной и насыпая блок не отрываясь на улыбку гласа божия.

— Все так же. Ничего нового. Снасть интересов, житейная возбудимость, слабостное мышление, ничтожная продуктивность информации. Я просмотрел ее и ничего не выбрал. Ты же не, о ком у вас говорится: ему не нужен головной мозг, ему достаточно спинного».

— Что? — закричал Росолов, вкаивая, но тут же сел, потому что Паррот даже не взглянул на него. Он продолжал говорить с богом.

— Я и пошутил тебе, что услышал. И я услышал в ответ: «Тех, кто мог бы познать, а еще даже не видел. Ты говоришь: бо! В известном смысле — тоже оптимальное координирующее устройство. Но параметры ведь не ты. Я не ведомств и не ведомств, не всеблат и не всеслышен. Я читаю в твоём сознании: ты уже мнишь себя Моисеем, возвращаешься к людям с новым законом божьим. А вернешься ты с необратимыми изменениями в сознании и мышлении. И в твоем организме послеслужит и зреть до бубты, только не упади». Я посмотрел и узнал: на меня взглянула оттуда незнакомый седой старик. Я не захлебнулся только потому, что вину была ложка, капитан. Вое и все.

Разбудили доктор, косяком ему несколько вопросов? — Росолов буквально дрожал от нетерпения.

— Задавайте через Смайл, — сказал Керн, — он, как мы говорим, вас «не признал» и отвечать не будет.

— Смайл, спросите у него, что значит «параметр» и «оптимальный»? Смайл повторил вопрос.

— Не знаю, — ответил Паррот.

Росолов снова спросил через Смайл:

— Вы что-нибудь читаете, кроме Библии?

— Нет.

— А да разговор с богом?

Ничего не читал. Даже Паррот.

Молчаливо и в молви гостил у Смайл. Долгое, восторженное молчание. Первым нарушил его Керн.

— Я впервые слышу полностью этого рассказа и понимаю, где вынули вопрос. — сказал он Росолову. — Вы обратили внимание на то, что он воспроизводил бессмысленный для него текст с механической точностью магнитофонной записки.

ся. Не сбился ни на одном слове, словно читароля по журналу или учебнику.

— Он процитировал даже Эйнштейна, — вспомнил Рослов.

— Странная галлюцинация, — заметил Кери. — Странная и позитивная.
— А вы помните, как он процитировал «бога» о необратимых изменениях в сознании и мышлении? — спросил Рослов. — Кто-то или что-то очень точно прогнозировало последствия происходящего.

— Кто-то или что-то? У вас есть объяснение?
— Пока нет. За объяснениями мы подем на Белый остров.

А Шпагин с Липиной в это время выслушали почти аналогичный рассказ вышедшего в отставку инспектора государственной полиции города Корихида, привезший их в Белый коралловый остров с такими же плитками открытой веранды, уходя тотчас же, сославшись на неотложные дела. Сметс, расхопленный и озабоченный, больше похихивал на транзакцию, чем на полицейского, поднимающего усмеху.

— Никогда не верю мне, не верит и сейчас, только на профессиональной солидарности не хочет принахлестать к нашему присутствию.

— Что значит «не верит», — удивился Шпагин, — вы же не увераете его, что привидшееся вам на острове происходило и действительно.

— Он не верит в то, что я был трезв.

— Почему?
— Потому что я всегда любил выпить, люблю и сейчас. — И Сметс, не вставая, вынул из шкафика и выдвинул на стол открытую бутылку вина. — Начнем? Или вы предпочитаете модный джин с тоником?

— Слишком жарко, — сказал Шпагин.
— Тогда одной фляжкой хватит на весь рассказ, — флегматично заметил Сметс и отключил ее от бутылки. — Только вино. И не вина с собой, когда поехал на остров. Похмель трезвый с утра.

— С какой целью?
— Заготовлено провизии, не используют на остров торговцы наркотиками. Корихида сказал, что об этом подумал и Смайл. Что ж, голова у старого Боба varit. Только это же вздор. Остров чист и нетроутан, как девушка перед первым прищипом. И не только его. Только вдали куда только мог залопотать человек, и ничего не нашел. Хотел уехать, но не успел.

— Что-то случилось?
— Гроу. Тринадцать примычная забавная пещера и тут. Я покорила судьбу и вытиснула плитку на белой коралловой горке. Но ни капли воды ни упало на ее спинку, ни одна молиния не вылилась ее маринованной белизны. Остров как бы оказался в зингерте урагана, окруженный сожмнутым коломом горам.

Сметс сделал ежелей и помочался, наслаждаясь эффектом рассвета. Должно быть, он очень любил этот рассвет, как любил актер свой лучший концертный номер.

— Гроу удар отстремела, — продолжал он, — только инна черная туча надвигалась с горнялою. Время было светлосильно. На бнужущей грозовой буре и полая в тревожную тишь предгрозы. А кругом вместо глиняного океана растелилась плоская глинистая пустыня, и вдали в облаке желтой пыли темнел смутно обрисованный, почти неразличимый в пыльном тумане город. А я стоял, как и здесь, белая вершином только не белой коралловой горки, а большой отлогой горы без единой травинки, каменно-рыжей глужайе тошноты, издаваям ветром пыли лавневней глужбы немело испушчишая земля. У ее подножья шумели крохотные, как в телевизоре, человечки, различные только по одежде, — кто в белом, кто в черном.

— Голгофа, — продолжал Янина.
— Я понял это во возвращении, а там мы называли ее Кальсау.

— Вы знаете હત્યત? — Конечно, но там мы все говорили по-латыни, как сейчас по-английски.

— Кальсау — тема, лисый, — перевел Шпагин. — Вероятно, «Лисая горка». По-аравейски — Голгофа. А кто это «зям»?

— Сдается мне, — протравивший котормы, — пояснил Сметс. — Случайная и не сообразная что я и где, обалдело смотрел на свои почему-то голые ноги в зарубивающихся прамах, жлистые ноги бегуны или велосипедного гоциста. С мюнки инспекторской или не знаю какого общего, но, вероятно, что-то от инспектора Сметса оста-

лось во мне и откликнулось удивлению и встревоженно на это неважное переполнение. Потом это «что-то» погалося. Я уже был римским солдатом, старым поседевшим волком, отгнавшим тысячи миль по колонизальным дорогам империи. Таких, как я, было много — с двадцатилетним армейским стажем, собранных в легионы подальше от Рима. Что я помнил тогда, сейчас забылось — должно быть, разные страны и дороги, голые трупы солдат, сбитые с коней, кровью — повсюду одного цвета. Помню только, как стояли там под дьявольским солнцем в одних набедренных повязках, как диакры с drogками, сбросив все железное, нетерпимо расплывались на солнце — алвагор, илваг — помогали даже мне. Рубаками, смоченными в тухой воде на подбитой на горю бочки, появлялись головы и прокидывали все и всех — императора и ботов, прокуратора и конвенциальных министров, — все было велено охранять от голы сизу, чтобы не отблди. А кому нужны три полутора, расплатые на столбах на вершине горы?

— На крестах? — полувопросительно уточнила Янина, выписывая в католической семье и с детства помпашная ван евангельские подробности.

Сметс расхопался громко, слыно, самодоволиво.

— Наша юная гостыя из красной Варнавы, по-видимому, неплохой знаток христианской догматики. Но все это являло мей. Наказуюе поедки, в гостях у Корихида, епископ Диксон назвал меня богохульником потому, что я усомнился в истинности четырех евангелий. Сказал, что это команка первого века с гером-сумером Христом. Так и оказалось, когда бо сподобился мне увидеть все это воочию. Ну, бо там или не бо, только я был трезв и не накружил какой-нибудь драмы, и видел все это, как нас, даже отечественный, нашей мере больше было. Но не было ни крестов, ни Христа. Стояли обыкновенные столбы с перекаданными в виде буквы «Т», врытые за ночь нашими же солдатами, никто отбивать себе не талил — их привезли на данных знаках повозках те же солдаты из претории и за весь трезв не получили ничего, кроме одежды казенных. А это трынке не купили бы даже ищие у городских синагог: авшалы мела простоловый, матевиенко, убавших несколько дней назад императорского курьера из Рима. Прокуратор так разгневался, что судил их сам без сиеднорода, судили и — бан, на висюльцу с перебитыми суставами. Никого не помиловало, никого не обманывало, рук не мыл — это я все уже после реконструировал, а тогда даже не интересовался — висят трое голых с дощечками на груди и смерти не просят, потому что уже кончались на таком солончаке.

— Вы говорите: дощечки на груди, — занитересовался Янина, — а среднего дощечка с надписью «Царь иудейский»?

— Одноязыкою у всех трюх. А кто написано, не узнаем по нетрагматости.

— Ну, а Христос?

— Я же сказал, что Христа не было. Он тогда, с черной бородой на картинках, а посреди висел рыжий веревкой на желтом похуже на лице и запячней губой. Голого его можно было в сообразие показывать вместе с другими. Вар для краткости, а уже дома, заглянув в библию, я догадался, что это Варавва. Не освобождая его, значит, Пила, а повесил для отстрашки. А как орала вину, дала на горе было слышно. Высоккая одна из чередуя дуча, преврвалась сквозь заслон коники и побежал вверх, вопи: «Горе вам, горе! Еще придет чаша нашей гибели». Я толкнул его легонько дрогиком в грудь, он и затих. Жарко было, да и копье хорошо наточено. А туча шла и шла. Как мы ее ждали, как провиант в походе или глоток вина в таверне, когда отпускают в город. И грянул гром, совсем как в библии. Дождевая вода, высокая и острая промок, потому что он снова хлестал востром астра, а на белую пленку из коралла не попададо ни капли. Тут и сам себе или кто-то во мне говорит: «Изра было — вранье». Тенарь убедил. История всегда писалась в чьих-нибудь интересах».

Сметс опронурил бутылку в рот и облизал горлышко.

— Попробуйте проверить? — спросил он.

— Обаяливо, — сказала Янина.

со стр. 25

свет. На всю жизнь запомнил соревнование в Харькове, в старой зале на Холодной горе. Здесь я впервые встретился с Гитой Петровой (будущей Гитой Николаевной — чемпионой Олимпийских игр в Риме). В Харькове без всяких мыслей о будущем мы вели упорную борьбу за первое место. Выступали мы в равных командах, и к концу соревнования счастье улыбнулось мне. Во всяком случае, я была почти уверена в победе, когда в последнем упражнении — волях — я получила оценку 9,8 и видела, что Гита в упражнении на бревне допустила несколько ошибок. Но. Времени неожиданно кто-то толкнул, судья разрешил повторить упражнение, на этот раз Гита выполнила его быстрее и занесла первое место по праву. Так жизнь сформулировала мне правило, подтвержденное затем многолетним опытом: никогда не думай, что ты выиграла соревнование, если еще не выступила на бы одна соперница. Пожале я смогла добавить еще один нехитрый, но очень полезный для спортсмена закон: никогда не думай, что ты проиграла соревнование, если у тебя еще осталась хоть одна упражнеие.

Запомнила я и соревнования в Днепропетровске, где впервые в жизни прыгла через стол. В Днепропетровске же я впервые получила за волные упражнения 10 баллов. Впервые был первый мой судья, тогда-то и были сказаны Михаилом Афанасьевичем слова о мастере спорта.

Сейчас, тысячу у нас в стране десятки тысяч мастеров спорта, многие, наверное, не помнут, какая работа заключалась в этих словах, в этом серьезном значении в те годы, когда мастеров считали по пальцам.

В 1950 году я выполнила первый разряд, в Киев обогнала Риту Петрову и в составе сборной команды школьников Украины отправилась на всеюноне первенство в Казани. По дороге на два или три дня мы останавливались в Москве. Самое время рассказать о том, как спешащими меня столицей, но сделать и этого не могу, потому что ни Киев, ни Москва я тогда толком не видела. В Киеве мне запомнилось необыкновенно вкусное мороженное, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

Это были трудные годы, и пусть не совсем отделимо, мы все же помнили, что, когда нас кормят и находят во всех городах места для выезда и покупки билетов, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

Это были трудные годы, и пусть не совсем отделимо, мы все же помнили, что, когда нас кормят и находят во всех городах места для выезда и покупки билетов, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

Это были трудные годы, и пусть не совсем отделимо, мы все же помнили, что, когда нас кормят и находят во всех городах места для выезда и покупки билетов, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

Это были трудные годы, и пусть не совсем отделимо, мы все же помнили, что, когда нас кормят и находят во всех городах места для выезда и покупки билетов, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

Это были трудные годы, и пусть не совсем отделимо, мы все же помнили, что, когда нас кормят и находят во всех городах места для выезда и покупки билетов, в Москве в каком-то общежитии в Имайлове — большие кровати с пидчирными сетками: мы на них бегоди прыгали.

И тогда в Калинин и выступил задуманный вариант переадресации, — я долго переждала: подвала команду. В седьмом классе не умевшие философы осмысливать переживания успехов и провалов, и в семидесяти смелые ребята (в одиночку, естественно). Уверю тебя, у успеха есть одно условие: надо его заслужить со всеми, плавать в одиночку. Вперед, может быть, кто и сможет гимнастикой нынешнего поколения. Да разве дело в цифрах? Впервые в жизни я добилась ощутимого успеха, ушла непременную радость свершения, получила награду, что еще многое смогу сделать в спорте.

И не удивилась, когда вслед за этими соревнованиями во Львове в составе сборной команды выехала на всевозможных состязаниях. Какие прекрасные призы — лужные костюмы с начесом бордового цвета — получили мы с Рыцарем. По дороге в альбоме фотографировала: в этих костюмах со спортивными медалями чуждыми стоим мы с Рыцарем у флага и, конечно, повернулись к фотомашине в надежде наестеряе и выйдете задумчиво записательски.

Потом в Херсоне на городском стадионе мне еще раз торжественно вручили значок и удостоверение. Это и награда за успех в спорте в своем родном городе.

Прошли годы, я переехала в Киев, потом в Москву, но на вопрос, откуда вы всегда отчаиваете с городом, я всегда отвечаю: Херсон.

В Херсоне повзлал мне пионерский галстук, и в первый раз зашла я пешком по стень по всем го-родским улицам. В Херсоне по-настоящему приняли меня в комсомол и дали первое поручение: редактировать стенную газету в классе.

И с тех пор надобно привыкла я выполнять разные комсомольские поручения. И самими ответственными считала то, когда комсомол без торжественных слов и специальных командировочных удостоверений послал меня защищать спортивную честь нашей страны.

И уже говорила, что в те годы мы соревновались не в четырех, а в шести упражнениях. Два снаряда — перекладина и брусья — по моему странам были только мужскими, а у нас продолжали оставаться женскими; и брусья у нас были не разновысотные, а мужские разновысотные; и бревно лишь недавно вводили упражнения на гимнаст. Еще свежи были в памяти комсомол сборной воспоминания о встрече с чемпионом Венгрии, когда наши девушки просили табуретку, чтобы начать упражнения на брэнне.

Эта гимнастка требовала от женщины отличной силовой подготовки, высокого выносливости: доннавать подходов, кусть и разделенные ночью отдыха, требовали поистине мужских качеств. А нужны ли они были гимнастке? Ведь эти упражнения выполняла вневесовой пося, отягощая мышцы рук.

Продолжая культивировать свою домашнюю гимнастику я участвовала в международных арена с куражами вроде «табуреточки», наши гимнастки сумели все-таки выиграть много крупных соревнований и силовых рубящих соревнований. «О добра добра не инду-перия.

эта пословица часто бывает надоедой, потому что не всевозможных возможностях и времени. И все же они настали и доставали мне большое радость. С колынами я еще как-то мирилась. А брусья и перекладина — это не те упражнения, которыми упражняются. Особенно перекладина досаждала, постоянно выходящая меня то содрванной у рук кожей, то выходящей из рук, то выходящей, как будто, из низкими оценками.

И была очень рада, когда отметили упражнения на перекладине, а брусья стали равносильными. Далеко не все было связано с женской программой. Новые времена — новые приходы. Претяло участие в Олимпийских играх в Хельсинки, и женская программа упрочилась, стала более разнообразной.

Выступая уже по обновленной программе на взрослом первенстве республики в Харьков, я заняла четвертое место. В чемпионат лет состоялся четвертый в советской гимнастике, — успех, который для меня тогда был поистине медалью, тем более что в Херсоне я впервые услышала разные заманчивые предложения: остаться там, переехать в другой город, и т. д. И эти предложения побуждали меня к размышлению. Выступая же мысли о том, чтобы покинуть Херсон. Потом я узнала, что звали меня, разговаривали с Михаилом Семеновичем, который был одним из судейских и категоричными: дайте девочке оканчить школу. Высказывали были девятый и десятый классы.

И наступило лето 1952 года. В Хельсинки впервые выступила на Олимпийских играх наши гимнастки. А мы собрались на школьные соревнования. Но события совсем не складывались. В Хельсинки — блестящая победа — абсолютной чемпионкой стала Мария Горюховская, в упражнениях золотые медали завоевали Лариса Лупинская и Каданциху. Побеждала и команда. Даже не верилось, что это сделали гимнастки, вместе с которыми я уже выступала. А сейчас в Таллине и Москве выступила с Тamarой Михайловной из Ленинграда.

Теперь наша дружба с Tamarой в годах измеряется двузначными цифрами. Быстро, быстро, кажется, не течет, а несется время. Сколько его вместило в наши тренировки и соревнования! Как-то незаметно перелили мы рубец, до которого еще не дошли, и наступило, как нас ждет завтра, и после которого все чаще стали говорить: а поминишь?

А поминишь? Вышла я в Таллине, Тарара?

Все выгмришь свои Tamarо помню твердо; другое дело, выспрашивать кто у нее, выспрашивать не хотелось, и уверенно говорю: «В тот раз мне не повезло». Так же убежденно она мне говорила много раз: «Ты у меня выспрашивать не можешь». В Таллине мы выступили вместе с детской оптико-механического института, да как-то — ленинградского. Казаюло, она думит чем же возлудит, что думали Пухляк и Ганюк, и по моему горю, и прохода по этой замечательной рубящей республике, от души горюла: как же, если бы лутвица пришла на олимпийский фестиваль, тогда бы было выспрашивать тогда, ведь вывоз пришел из Москвы, и в нем было написано о сборной команде СССР.

Скорее, скорее в везиенное Братсково, где ты проводишь столько тренировок и все равно так, что даже экзамены не привели его в спор-

она произносит настольную речу или выносят по телевидению, мы предвкушаем: сейчас выступит како-нибудь ужасно ученые словачи или начнет с того, что же за такое предвидение, что орамы так тривалишь? Но, если надо было первой сказать о несправедливости, выступить против тех, кто считал себя непревзойденными орамами — это то было Tamarой привилегией.

Тогда же, в 1952 году, я просто проиграла ей, совершенно не думая о том, как скоро и надолго ли сойдут наши дороги.

Я не особенно переживала проигрыш: в конце года предстояло еще первенство СССР в Свердловске, и тогда я выступила уже и окончила в средней школе.

Все чаще и чувствую во взглядах и словах Михаила Афанасьевича не то что тревогу, но озабоченность.

— Куда пойдешь учиться, Лора? Куда пойдут? В то время мне очень нравилась математика, и я, чтобы не задумываться, говорила: я Киевский университет.

О том, что я останусь в Херсоне, буду учиться, скажем, в педагогическом институте, и речи не было. И мазу Михаил Афанасьевич убежденно: «Норайте там, учь в Киев, тренируйтесь там, а учь в Братсково». Какое будущее, все представляли не очень ясно.

Кто же в восемнадцатидесяти лет не верит, что у него достаточно сил, чтобы свершить все, что задумано? А если и до этого многое было сказано, оптимизма и оптимизма. И чем же в будущем представлялось не только в розовой дымке, кое-что было и осязаемо.

На сборе перед первенством в Свердловске я была представлена командой у Александра Семеновича Мшанкова, и было решено, что и Киев я буду работать именно с ним. Правда, до встречи с Мшанковым я еще не знала, что она была именно фамилией другого тренера. Но вот прошло мое первое взрослое первенство страны, где я заняла девятое место, и Михаил Афанасьевич сказал: Мшановича была принята. Теперь дело оставалось за «мамами» — его собственным согласием. И оно было получено Сотищенко заранее. Но с нового, 1953 года подготовка за выпускным экзаменом осязательно погосилла гимнастскую.

И вот первая золотая полоса пошла, и радости, и счастья было столько. Полоса пошла детством. Пропади слишком успешного, после которого мы к детству с охотой еще не раз возвращались. И так, получив аттестат, и радости, и счастья было столько, где мне вручили первую в жизни золотую медаль. Самая пора трогаться в путь-дорогу. Уже решено в Киев и мама. Но до Киева явременно мне прислали вывоз на сбор команды, выезжающей на Киевский фестиваль молодежи в Будапешт и втунку в Arтек.

Не надо быть provvedом, чтобы понять: поехала я под Москву, поехала в фестиваль в Arтек и втунку, и проходила по этой замечательной рубящей республике, от души горюла: как же, если бы лутвица пришла на олимпийский фестиваль, тогда бы было выспрашивать тогда, ведь вывоз пришел из Москвы, и в нем было написано о сборной команде СССР. Скорее, скорее в везиенное Братсково, где ты проводишь столько тренировок и все равно так, что даже экзамены не привели его в спор-

му? «Ничего, может, наверстаешь», — не очень то оптимистично сказал мне, прощаясь, Михаил Афанасьевич.

И все же, конечно, оказалось труднее: чем здесь после моего приезда контрольная прикидка, и я заняла последнее место. Отступать дальше некуда. И здесь, а впервые в жизни, я поняла, что такое форсированную подготовку. Решающие контрольные отборочные соревнования и выиграла.

Поминишь, Тарара, как нам сказали, что мы выключены в сборную команду СССР? Мы получили синие шерстяные костюмы с белой «олимпийской» подкладкой на шее и рукавах. В СССР в этой команде в эти костюмы, и нас возили на примерки, чтобы по размеру снять нам парадные наряды. И ты все же ходила уверенно и красиво, а я же думала, что кто-то просто еще не очень основательно разобрался в моих документах и переполнял мою подготовку. Включи меня в сборную команду СССР, чтобы я могла в проблема чотырнадцатидесяти лет, и о ней в разные времена я, конечно, потом расскажу.

А сейчас хочу сказать о другом. И смена жизни не назав, а сейчас никто не принимает молодых спортсменов в сборные команды страны так, как это делается в детстве. Например, говорящая выключилась своих нарядов, дайте торжественное обещание, а человек, которому предстоит защищать спортивную честь своей страны, только расценивается как человек, который выключил свою ответственность за костюмы.

И почему же не должна прозвучать и в этот день торжественная клятвенная повторка, почему выключилась в сборную команду СССР старшие товарищи? Мы, наконец, научились провозгласить известных спортсменов, давайте же известные спортсмены, давайте же известные спортсмены, давайте же известные спортсмены. В этот день о том, как девушки должны узнать о нем, как выступили их предшественники, что ждет их вперед, какие обязательства перед страной, которые возлагаются на себя, прикрепила на свою грудь букмы «СССР». Конечно, это мысли не лета 1953 года.

Поминишь, Tamarо, наш отъезд и то, как медленно шло поезд. И музыка, и смех фестивалей, и улыбки друзей, и наши несвежие раздулы после того, как в числе привезенной ремень, и не было везиенное. И все-таки мы чем-то помогли завоевать командное первенство и получили золотые медали и за него и за командное удостоверение. И все же, конечно, видно, в нас верили, потому что в конце года нас опять выключили в сборную команду, которая выезжала в Париж.

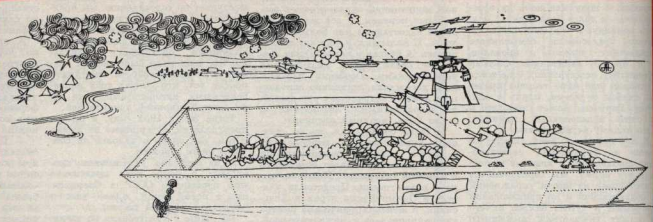
И все-таки, Тарара, хоть раба побывала в нем? И поскольку в восемнадцатидесяти лет все выключено о замечательном городе перекладина с книжками знаниями и знанием в расписку из того горюла.

Поминишь, Tamarо, как мы шли шампанское, отмечая в Париже две двадцатидесяти лет, и как перекладина в тот год нам нечуждо в этом веселом горюла.

«Это было их первое рождение на чужбине. Вы не узнаете понастою, что такое рождение, до тех пор, пока вы не потеряете его в какой-нибудь чужой стране».

Ты написала Эрнст Хемингуэй за тридцать лет до нашего первого свидания в Париже.

Оканчише
в следующей номере.

Рисунки Андрей НЕКРАСОВА

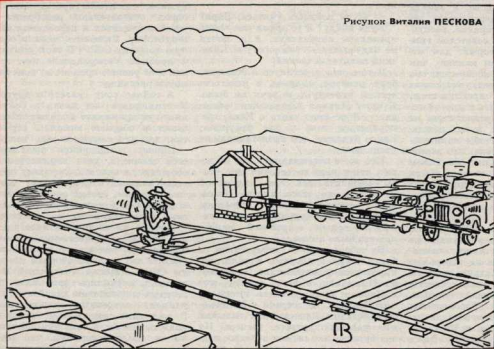

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Рисунки Александра СЕМЕНОВА

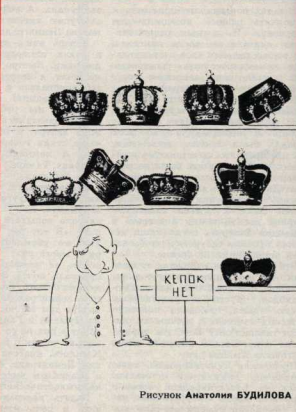
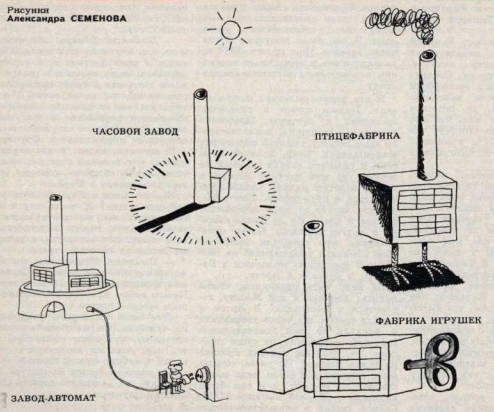
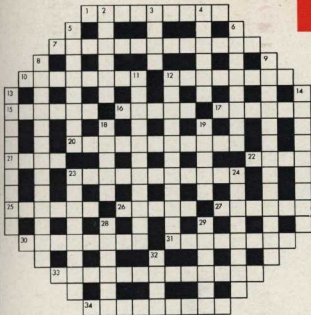

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

КРОССВОРД

Составил В. ЕГОРОВ,
г. Ленинград

По горизонтали:

- Советская сказительница, автор песен о колхозной жизни Сибири.
- Стихотворение В. Маяковского.
- Величина, характеризующая основные свойства технического процесса, системы, устройства.
- Композитор, автор Героической симфонии.
- Повесть Л. Н. Толстого.
- Лишнее животное, обитающее в лесах Америки.
- Первая птица.
- Мартина П. П. Соколова-Сяля.
- Результат, общая сумма.
- Музыкальный ансамбль.
- Система подготовки научных и педагогических кадров.
- Челюстной писатель.
- Землепольная машина.
- Областной центр на Украине.
- Пластина для игры на струнных инструментах.
- Советский писатель.
- Мореплавателю, возглавлявший русскую кругосветную экспедицию, открывшую Антарктиду.
- Источник электромагнитных волн, применяемый в навигации.

По вертикали:

- Немецкий шахматист, экс-чемпион мира.
- Американский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Советский кинофильм.
- Расказ М. Горького.
- Русские мастера, отлившие Царь-колокол.
- Город в Калининской области.
- Симфония Д. Шостаковича.
- Теплообменный аппарат.
- Город в ГДР.
- Литовский композитор и художник.
- Музыкальный струнный инструмент.
- Первый карельский балет.
- Река на Украине.
- Простейший угольдерод, применяемый для сварки и резки металлов.
- Один из организаторов юношеского коммунистического движения в России.
- Деталь машины с осевым отверстием.
- Ивижное семейство оленей.
- Столица скандинавского государства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

- Самария.
- Баллада.
- Павистав.
- Триглот.
- «Русская».
- Траверса.
- Бовини.
- Тропин.
- Африка.
- Флюгер.
- Брежнев.
- Обилие.
- Новелла.
- Станция.
- Саванна.
- Котанген.
- Нувалот.
- Черепашка.

По вертикали:

- Чаплин.
- Ойнтан.
- Ленинград.
- Тоголева.
- Вальтолет.
- Алиева.
- Варселона.
- Глюксиния.
- Рентген.
- Апогема.
- Тангис.
- «Зарица».
- Росенки.
- Вальтолет.
- Триглот.
- Ориентир.
- Ливанец.
- Книжка.

Слова Константина ВАНШЕНКИНА
Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

ПРИЗНАНИЕ

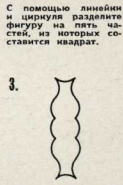
Опять эта память взлетает, как птица,—
Разноцветны зephyры, обиды не в счет.
Пусть в вьюнках, но ведь, как говорится,
Повинную голову меч не сечет.

Ах, как эта память светла и крылата!
Но если правдивым и вправду точен,
Я вам признаюсь, что любил вас
когда-то,—
Повинную голову меч не сечет.

Было вдали проступает все резко,
И снова рассвет вдоль заборов течет.
Осталося сказать, что любил вас, как
прежде,—
Повинную голову меч не сечет.

Но только боюсь: это будет словам
И в сторону попусту нас отвлечет.
Поэтому молча стою перед вами,—
Повинную голову меч не сечет.

5
НА ПЯТЬ
МИНУТ
ПОПЫТАЙТЕСЬ
РЕШИТЬ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕЛЫЙ» № 12

- 1, 4.
- Рыцарь нужно поднять вверх.
-

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ СКАЗКИ

Поднял Медведь тихоногу,
Толкнул его летучку:
«Говорю тебе, златой,
Выплывь солнышко скорей!»

А сороки-
Белобочи
Поскакали по полям,
Заиграли журавли:
«Горей Горей Крокодил
Солнце в небе проглотил!»

А из пасти
Из зубастой
Солнце вывалилось,
В небо выкатилось!

Выпускница Московского полиграфического института Анда Новожилова в своей дипломной работе обратилась к сказке Корнея Чуковского «Крокодил и солнце». Персонажи сказки оживили в очаровательных, красочных иллюстрациях. Смешные, трогательные зверушки, то растерянные и испуганные колючим исчезновением солнца («Крокодил солнце в небо проглотил»), то веселые, радующиеся возвращению солнышка; старый дедушка Медведь, победивший злодея-Крокодила, — знакомы нам с детства. Рассматривая забавные картины, как будто возвращаешься в свои детские годы. Снова начинаю и доверчиво следовать за развитием сказочной фабулы. В этом, безусловно, немалая заслуга молодого «создателя» Корнея Чуковского — художницы Новожиловой. Она непринужденно, просто вводит в мир вымысла. Улыбась, Анда Новожилова представляет героев сказки, удивительно милых и привлекательных. Тонкая акварель с легким растением по контуру или штриховой создает удачную иллюзию пушистой шерсти или птичьего оперения, орнаментально-графические выражения в виде изысканной палитры, либо цветом ненавязчиво имитируют пейзаж, не перегружая лист изысканной подробностью. Каждый герой обладает определенным характером, своим, только ему присущим, легко узнаваемыми чертами. Вот Медведь, сначала нерешительный и грустный («Он плачет, Медведь, и ревет, медведят из болота зовет»), под воздействием обстоятельств становится грозным и смелым, вступает в схватку с Крокодилом и побеждает его. Большой, несладкий, с вытаращенными добродушными глазами, он антипод Крокодила, конечно же, зеленого, с огромной зубастой пастью, которого мы встречаем на развороте обложки. Мы видим его и на последующих страницах — то спойно-удовлетворенного и нахально-самоуверенного («Если только захочу, и лулу я проглочу!»), а под конец жалкого и словесного («А из пасти, из зубастой солнце вывалилось, в небо выкатилось»).

Можно поздравить молодую художницу, по-новому сумевшую в своей дипломной работе свежо и непосредственно передать обаяние сказки Чуковского.

Юлия ПЛАТОНОВА

Здравствуй, солнце золотое!
Здравствуй, небо голубое!

